

УДАЧНОЕ ВЛОЖЕНИЕ

Евгения Высоковская

18+

Евгения Высоковская

Удачное вложение

«Автор»

2026

Высоковская Е.

Удачное вложение / Е. Высоковская — «Автор», 2026

Неприятности преследуют Ульяну одна за другой. Она теряет любимую работу, а единственные друзья – бывшие коллеги – слишком быстро забывают о ней. Несчастливая девушка целые дни проводит в одиночестве. Под влиянием момента она покупает старый деревенский дом, в надежде превратить его в дачу мечты. Но и здесь ее ждет неудача: наследники просто сбыли с рук полуразваленную хибару умершей бабушки. Дом непригоден для жилья и восстановлению не подлежит. И когда Ульяне уже кажется, что впереди – ни просвета, ни радости, в ее жизнь вдруг врываются совершенно невероятные события. Дом-то не простой. Уля случайно попадает через него во Внутренний мир. Начинаются приключения, в которые поначалу невозможно поверить и от которых потом невозможно отказаться. Только вот перед Ульяной стоит очень сложная задача: ей, никогда не допускавшей даже мысли о существовании магии, нужно срочно открыть в себе дар, который является постоянным допуском во Внутренний мир. Иначе она потеряет все, что успела полюбить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Давай, до свидания	6
Глава 2. Посиделки на ковре	9
Глава 3. Новые пристрастия, старые мечты	12
Глава 4. Дом, милый дом...	15
Глава 5. Где мой очаг, где мой ночлег...	19
Глава 6. Аппаратная	22
Глава 7. Точное время не известно	28
Глава 8. Ульяна с Шишкина, 19	32
Глава 9. Доказательство	38
Глава 10. Волшебная правда	45
Глава 11. Молчание сахарного янтаря	49
Глава 12. Ищи то – не знаю что	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Удачное вложение

Пролог

Я прохожу мимо старой кирпичной девятиэтажки, бегло оглядывая длинные балконы, расположенные парами с торца дома, и снова ловлю себя на странном, нелогичном желании. Мне до чертиков хочется попасть внутрь какой-нибудь из квартир, прячущихся за мутноватыми, занавешенными окнами. Но не для того, чтобы посмотреть, как живут ее хозяева. Меня тянет поселиться там – временно, хотя бы на короткий срок. Это чувство не поддается объяснению, ведь у меня есть собственное жилье. А меня манит чужое, которое никогда не должно стать своим: съемное, незнакомое.

Хочется что-то изменить в привычном распорядке, заселиться в старую квартиру, где до тебя кто-то жил, наполняя своей энергетикой. Не в пустую новостройку, которую пришлось бы обживать самой и где кроме тебя и твоего одиночества ничего не было и нет.

Я замедляю шаг и застываю перед домом, подняв глаза на балкон на четвертом этаже, обитый старыми деревянными панелями. Они уже потемнели от времени и дождей, потрескались и обветшали. Сколько смен сезонов они видели? Сколько раз их засыпало снегом, полоскало ливнями, высушивало летней жарой? Как много лет отдали хозяева своему дому, что успели пережить в нем? За перилами мне виден кусочек лыж, прислоненных к кирпичной стене, какие-то доски и свернутый в рулон ковер. Что-то ненужное.

Да, если бы у меня был выбор, я заехала бы именно в эту квартиру. Сначала я бы тщательно убралась, чтобы избавиться от свежих следов пребывания других людей, а вот их старые метки бы оставила. Те, что незаметно для замыленного взгляда накапливались годами: легкая копоть на потолке кухни, облупившаяся краска на подоконнике. Добавила бы немного своих вещей, чтобы лучше познакомиться.

Я бы стала там жить и потихоньку узнавать округу. Для начала – найти любимый магазинчик. Добрести до ближайшего скверика с лавками и фонарями. Ходить, гулять, постепенно расширяя зону, окружность, цепляя новые и новые пространства, делать их знакомыми. Сидеть дома, касаться стен, слушать тишину, в которой когда-то было сказано много чужих слов. Это очень странное желание, но в последнее время мне никак не удается от него отделаться. Мне надоела моя новая вылизанная квартира. Хочется перемен. Но вот не зря же говорят, мол, бойтесь своих желаний...

Глава 1. Давай, до свидания

Стараясь как можно тише шмыгать носом, я перекладывала с места на место деловые бумаги на столе. Со стороны, возможно, казалось, что я сортирую нужные данные, подготавливая рабочее место для преемницы. На самом же деле просто бессистемно двигала туда-сюда документы, даже не вдумываясь, что сейчас держу в руках. Периодически я ощущала резкое жжение в глазах, и в носу сразу начинало свербеть. Я тут же принималась тереть переносицу, чтобы отогнать подбирающиеся к своим железам слезы, и тогда очередной позыв расплакаться временно отступал.

Довольно жестоко: уволить, но при этом заставить отсидеть уже по сути бывшего сотрудника положенное время. Да нет, конечно, я могла бы встать и покинуть офис еще час назад: меня уже рассчитали. Никто бы и слова не сказал. Но я и сама никак не могла уйти. Прощалась, цеплялась непонятно за что. Я вообще очень прикипаю к местам. Будь то работа, или зона отдыха, или временное жилье. Удивительный факт: даже если место было преисполнено негатива, но я отдала ему часть своего времени, мне все равно не так просто с ним расстаться.

Но тут совсем другая история. Я очень, очень любила свою работу. Поэтому уходить было до слез больно. Это было так несправедливо и неправдоподобно. Просто оксюморон. Мне и сейчас не верилось, хотя трудовая уже лежала в рюкзаке, а немаленькая такая сумма отступных – на зарплатной карте. Я, наверное, до последнего дня надеялась, что шеф передумает. Выкрутится, выйдет из положения: подберет мне другое место, предложит что-то еще. Но видимо, девушке, что сменила меня, неловко было находиться со мной в одном офисном пространстве, зная, что именно из-за нее я потеряла свою должность. Поэтому меня не оставили, чтобы не маячила и не взывала к совести всем своим видом. Хотя я бы не взывала. Я просто хотела остаться. Здесь было все: вложенные силы и потраченное время, друзья, любимое дело. Уходить было даже как-то странно. У меня в последние годы уже настолько выровнялась жизнь! Пусть я не встретила того самого единственного, пусть не все было идеально, но наконец-то мой путь перестал вилять и петлять. Все было стабильно и четко, без эмоциональных взрывов, без глубоких переживаний. Как раз то самое время, когда можно оглянуться по сторонам и сосредоточиться на поиске своей половинки. Не отвлекаться на повседневные «скачки напряжения»: отсутствие денег, переезды или внезапные безответные влюбленности.

Но уж скакнуло так скакнуло. Увольнение полностью выбило пробки моей жизненной энергии. А случилось все потому, что моя должность сильно приглянулась новой директорской пассии. Хотя я даже не стала бы так ее называть. Кажется, у них действительно все было серьезно, раз они решили вместе работать. Ведь будь она просто временным увлечением, можно было придумать для нее какую-то фиктивную должность, а не выпихивать меня с моего места. Но увы: девица почему-то хотела по-настоящему погрузиться в рабочий процесс, а моя деятельность показалась ей наиболее привлекательной. А может быть, несложной.

Мне, как дурной сон, вспоминался тот фатальный разговор с шефом, когда он очень мягко и деликатно предложил мне уволиться. У нас с ним всегда были очень хорошие отношения, и я считала себя нужной и ценной. Но незаменимых нет, ведь так? Да, конечно, уволить с бухты-барахты никого нельзя, я довольно хорошо изучила трудовой кодекс. Но еще мне прекрасно известны способы, с помощью которых можно вынудить уйти «по собственному». И если бы я не подписала договор о соглашении сторон, по которому мне причитался нехилый такой откат, для меня создали бы условия, от которых я через пару месяцев, если не недель, сбежала бы сама. И уж точно без откатов. Шеф далеко не дурак. Он прекрасно знает, как можно вынудить сотрудника уйти так, что ни одна трудовая инспекция не придерется.

А я еще так радовалась, когда наша новенькая Динара заинтересовалась моей работой. Думала, она просто хочет расти, изучать новую информацию, подружиться. Показывала ей все, рассказывала, делилась опытом. А потом шеф меня вызвал и...

Я сидела напротив его массивного директорского стола не шевелясь, как мертвая. Предполагаю, что такая же бледная. У меня, кажется, ни один мускул на лице не дрогнул. Выслушала все безучастно, словно мне про кого-то другого рассказывали. Шеф тоже был смурной. Хотя какие-то зачатки совести все же у него, оказывается, имелись. Если не притворялся, конечно. А то, может, передо мной на лицо трагичную мину навесил, а сам уже мысленно ручки потирал и отплясывал от радости, что угодит своей Динарочке пучеглазой. А я даже теперь и не уверена, может, и стоило поскандальить, но в тот момент было так тошно и противно. И фантазмагорично. Не знаю, может, я реально в тот момент верила, что все не наяву.

В общем, я согласилась уйти без ссор и споров, зато с деньгами, на которые можно было несколько месяцев безбедно существовать. Да нет, какое «существовать», сюда это слово не подходит. Пожить на полную катушку! Накупить модных шмоток, объесться роллами в любимом суши-баре, съездить на курорт. Признаться, я на какие-то секунды даже обрадовалась, что теперь мне предстоит и праздность, и праздник живота.

Но это эфемерное чувство радости очень быстро прошло. Ведь на этом офисе сосредоточилась практически вся моя жизнь. За его пределами у меня даже не было друзей. Как-то не видела необходимости обзаводиться. Это с коллегами мы встречались после работы в боулинге, бегали по квестам или горланили в караоке. А дома я даже почти не знала соседей. Заселившись лет пять назад в новостройку, я поначалу сразу нашла приятельниц. Тогда было все как-то просто: нас объединяла радость от покупки квартиры, ремонтные дела, совместные разведывательные операции по обнаружению интересных мест «на районе». Но все подруги почему-то в течение трех-четырех лет сменили место жительства, и в их квартиры въехали совершенно незнакомые мне люди или семьи, которым до меня не было дела. Да и мне до них не было. Ведь у меня была любимая работа и коллектив. Но этому внезапно пришел конец.

* * *

Обычно у нас принято было проставляться при увольнении. Понятное дело: люди уходили в новые компании не просто так. Для большинства это являлось повышением или важной сменой деятельности. Конечно, им было что отметить, они прощались с сослуживцами, те их поздравляли. Моя ситуация выглядела несколько иной. Праздновать было нечего. Устроить вечер прощания? Сделать хорошую мину при плохой игре? Ощутить себя выкинутой за борт и при этом попытаться это отметить? Притворяться веселой было выше моих сил, поэтому я решила досидеть до конца, в надежде, что хотя бы со всеми попрощаюсь на словах. Но мне кажется, коллеги чувствовали себя в этой ситуации неуютно: кто-то весь день отводил взгляд, кто-то сухо желал удачи. А главное, ни один не высказал недовольства и уж тем более возмущения поступком шефа. Они же тоже любили свою работу.

Под самый занавес притащилась Динара. Огромные глаза с наращенными тройным объемом ресницами, отчего у нее был взгляд томной коровы, с сочувствием уставились на меня.

– Спасибо тебе, Ульян, большо-ое, – трагично и жеманно протянула она, сделав несколько ресничных взмахов, словно пыталась заодно соблазнить и меня. – Пусть у тебя все сложится! Ты очень способная, я знаю, ты быстро найдешь работу. Гера в тебя очень верит.

Герой она называла шефа. Его звали Герман Гамильтон. Угораздило же.

Фальшивую любезность директорской пассии я уже терпеть была не обязана. Кто знает, сколько бы я еще просидела, тупо перемещая бумажки и «прощаясь с рабочим столом и компьютером», но визит Динары меня подстегнул. Я резко сдвинула все документы на край стола, улыбнулась с деланной бравадой и поднялась.

– В тебя Гера тоже очень верит, – бодро произнесла я, постаравшись убрать из голоса яд, и мне показалось, что он, не найдя выхода, потек мне в горло. – А мне пора на заслуженный отдых!

Усмехнувшись, я взяла рюкзак и пружинистым шагом направилась к выходу, напевая себе под нос «хлопай ресницами и взлетай». Других вещей не было: все пожитки, которыми успела обзавестись за годы работы, я вывезла из офиса накануне. Все-таки надеялась, что отправившись с коллегами покутить, и не хотелось нагружаться. Думала, может, они сами что-то предложат. Но нет. Всем как будто было стыдно: то ли общаться со мной, то ли за меня, то ли за Герыча. Я поймала себя на том, что впервые за все годы мысленно назвала шефа этим прозвищем. Раньше я никогда себе такого не позволяла и очень возмущалась, когда кто-то за его спиной панибратски обзывал уважаемого руководителя. А на самом-то деле Герыч и есть. Даже не так. Херыч. Вот тебе, Херман Гельминтон!

Ну что ж, хотела перемен, ты их получила. Бойтесь своих желаний, я же говорила.

А, да что б тебя. Поеду кутить!

Глава 2. Посиделки на ковре

Я сидела на полу на сложенном в четыре раза толстом клетчатом пледе с бахромой. Передо мной на старой, изрезанной разделочной доске стояла закопченная сковородка без ручки, в которой красовалась «сырная пятница». Так я называла блюдо, которое в последнее время традиционно готовила себе по пятницам из сыра бри и томатов черри. Диск ароматного сыра укладывался на искомканный пергамент, сверху делались неглубокие надрезы в виде решетки и начинялись маленькими кусочками чеснока. Вокруг распихивались крошечные половинки помидоров, а по окружности сковороды или прямо на решетку – ломтики багета. Все это дело сбрызгивалось оливковым маслом, посыпалось базиликом и солью и ставилось в духовку. Через двадцать минут в сковородке поблескивал расплавленный сыр и запеченные томаты, которые нужно было поддевать поджаренным кусочком багета и отправлять в рот. Это было невероятно просто и вкусно, и я даже перестала покупать пиццу. В привычку вошло есть сыр с томатами по пятницам, причем обязательно на полу, из нарочито изношенной посуды: мне нравилось воображать, что я на пикнике. Деревянная подставка, черная от нагара сковорода и смятые углы пергамента добавляли обстановке, как мне казалось, «аутентичности и крафтовости».

Так и в этот раз, я только-только вынула из духовки «сырную пятницу», поставила доску со сковородкой на плед и уселась по-турецки рядом. По правую руку стояла бутылка гранатового вина и бокал без ножки. С фужером был раньше не очень удачный опыт, когда я нечаянно пролила красное вино на ковер, и теперь я предпочитала более устойчивую емкость.

Мечтательно прикрыв глаза, я потянула носом. Комнату наполнял аромат запеченного сыра, помидоров и базилика. В камине напротив потрескивали дрова, языки пламени лизали обугленные поленья. И пусть передо мной был всего лишь большой экран телевизора, на который я пустила за цикленное видео с камином, все равно было очень уютно. Я налила в бокал гранатового вина, а затем, подцепив ломтиком горячего багета расплавленный сыр, положила сверху два запеченных черри, слегка примяла их вилкой, чтобы лопнула кожица, и надкусила. Не остывшие еще помидоры и бри обожгли мне нёбо, пряный аромат ударил в нос. Я застонала от удовольствия и отпила небольшой глоток рубиновой жидкости.

Мне было хорошо. Как сквозь пелену, брезжил в памяти сегодняшний день. Мой последний рабочий день. Скомканный, как пергамент на почерневшей сковородке.

Перед глазами проносились обрывочные образы, в которых я будто наблюдала за собой со стороны: видела себя, то суетливо переключившую документы, то подолгу глядящую в одну точку бессмысленным взглядом. Помню, как очень старалась передать дела, не забыть ни одного момента. Как хотела ненавидеть Динару, но не могла себя заставить, хотя по сути она меня подсидела. Но у нее ничего бы не вышло, если бы шеф не принял решения в ее пользу. Ну а она уж не виновата, что ей повезло стать его пассией и настолько втереться в душу, что он был готов расстаться с хорошей работницей, отдавшей несколько лет этой компании. А может, и стоило ее ненавидеть. Иначе, почему мне хотя бы не предложили другую должность? Значит, именно Динаре не хотелось меня видеть, встречать каждый день в офисе, смотреть в глаза. Проще убрать из поля зрения.

В общем, хотела перемен – получила. И не важно, что перемены оказались не те, о которых мечтала. Надо было в ноосферу грамотные запросы отправлять, а не какое-то бесформенное кубло из желаний и фантазий.

* * *

Не так давно я поймала себя на странном интересе к старым жилым постройкам. В последнее время я старалась нахаживать определенную норму шагов. Пешего пути до работы и

обратно мне не хватало, поэтому я стала больше гулять, постепенно расширяя радиус площади прогулки, центр которого находился возле моего дома. Сначала в эту зону попадал близлежащий частный сектор, клинообразный перелесок и пересекающая его железная дорога, а затем территория расширилась до соседнего района. Тогда это и началось.

Проходя мимо кирпичного двенадцатипятиэтажного дома, построенного где-то в 80-х годах прошлого века, я остановилась и стала пристально рассматривать длинные, широкие балконы с разномастным – кто во что горазд – остеклением. Взгляд цеплялся за некоторые лоджии. Они ничем особенно не выделялись среди остальных: такие же потемневшие деревянные рамы балконных окон, захлащенное лишними вещами пространство, самодельные шкафчики из ДСП. Но я таращилась в одно из таких окон, силясь представить, а что там дальше, внутри квартиры? Пыталась представить себя там, наверху, стоящую на балконе и окидывающую взором пока незнакомую местность. Мне захотелось снова заехать в съемную квартиру, совершенно чужую, непривычную, и обживать ее, узнавать, наполнять собой.

До того, как мне удалось приобрести крошечную студию в новостройке в ближайшем Подмоскowie, я часто жила на съемных квартирах. И сейчас сердце сжималось в необъяснимом приступе ностальгии: не по тем временам, а по самому ощущению заселения и знакомства. Когда ты определяешься наконец с местом, перевозишь немногочисленный скарб, провожаешь хозяина или агента по недвижимости и остаешься наконец один на один со своим временным пристанищем. А впереди – дни открытий, совершенно простых и никому, кроме тебя, не интересных: удобные магазинчики в шаговой доступности, любимые кафешки, сквер для прогулок неподалеку. Ты знакомишься с местом и понемногу делаешь его своим, пусть и не навсегда. Будто дополняешь собой чужую реальность. Закладываешь в нее кирпичик своей жизни. И в итоге съезжаешь, оставляя немножко себя в наследство следующим хозяевам.

Я всегда заселялась в квартиры старых, видавших виды домов, в которых до меня уже много кто пожил. Не намеренно, просто так получалось. И лишь купив собственную, я ощутила это разительное отличие новостройки: квартира была как чистый лист, словно ненастоящая. Ее предстояло оживлять самостоятельно, и лишь от меня зависело, какой энергетикой и каким настроением она будет наполнена. А может, так и останется полупустой, напоминающей офис, если твоих собственных сил, мыслей и души не хватит, чтобы насытить голые, голодные стены.

Я обжила свою студию, насколько смогла, и мне даже удалось сделать ее комфортной, но в последнее время все чаще не хотелось возвращаться домой. Обходя во время своих прогулок дворик за двориком, я представляла, чем займусь вечером. В воображении всегда возникала уютная, теплая комната с приглушенным светом. Я мечтала, что усядусь на диван перед телевизором с интересным сериалом, взяв в руки пальцы или толстые спицы, с повисшим на гибкой леске рыхлым, наполовину связанным шарфом. Или, укутавшись в плед, расположусь за столом с книгой и бокалом вина. А может, просто куплю себе вкусностей и буду наслаждаться ужином.

Однако, как только я входила в квартиру с пакетом, набитым заготовками к приятному вечеру, чудесное предвкушение испарялось. Мгновенно таяла мистика ожидания, и квартиру заполняла холодная обыденность. И вечерняя трапеза с вином и закусками, о которых я так мечтала, нагуливая нужное количество шагов, вдруг превращалась в очередной тусклый ужин. Я механически поглощала еду, запивая алкоголем, словно выполняла некую повинность. Мне кажется, определенную роль в этом повторяющемся разочаровании играло отсутствие комнат: не было возможности перейти на кухню или наоборот, чтобы сменить обстановку. Я словно постоянно находилась в одной точке: то ли спала в кухне, то ли ела в комнате, и там же иногда трудилась, если приходилось брать работу на дом. Поначалу почти не заметное, это ощущение со временем стало меня угнетать, давило, обесценивало сам процесс отдыха наедине с собой.

Поэтому однажды я, чтобы хоть как-то разнообразить обстановку, придумала посиделки на полу. Я стала стелить поверх ковра клетчатый плед, будто подстилку на траву, сверху бро-

сала пару декоративных подушек. Выставляла на импровизированную подстилку вино, корзинку с хлебом, деревянную доску под горячее. Я специально выбирала для «домашнего пикника» закопченную сковороду и миску с исцарапанной и сколотой в одном месте эмалью, чтобы походило на старую деревенскую посуду.

Мне так всего этого не хватало! Атмосфера деревенского колорита – единственное, что за несколько лет я так и не смогла отпустить после расставания с бывшим. Когда-то я даже шутила, что сначала влюбилась в домик в деревне, а уже потом обратила внимание на его хозяина. Видимо, это была не шутка. Забывание происходило в обратном порядке. О бывшем я уже не думала, но дача снилась до сих пор. Я пыталась компенсировать тоску по этому месту путешествиями по подмосковным домам отдыха, но замена была слишком неравнозначной. Переехав в новую квартиру, я часто прогуливалась по нешироким улочкам частного сектора, заглядывая, если позволяли невысокие заборы, во дворики, вдыхая запах костров и чужих шашлыков, любуясь цветущими по весне вишнями, осенней пестротой кленов или сверкающей зимней белизной. Я бродила и убеждала себя, что не завидую владельцам всех этих домов и домишек. Одни из них были похожи на небольшие особняки, другие выглядели жалкими убогими развалюхами. Я была бы согласна даже на одну из таких лачужек с заросшим, неухоженным садиком.

Но когда я расширила зону прогулок, моя потребность словно сместилась на несколько градусов: теперь мне просто хотелось переехать в другую квартиру. Именно в старую, обжитую, причем не вылизанную до блеска, не сверкающую свежей и стильной отделкой, а в несовременную, пусть даже с бабушкиным ремонтом. В чье-то жилище, пропитанное духом прошлого, со своей историей, повидавшее несколько поколений, что отдали старым комнатам частичку себя. Я все ходила через железнодорожные пути в соседний район и там подолгу таращилась на чужие окна, воображая себя внутри этих квартир. Да-да, все мысли сводились к мечтам о переменах, а все же знают, что мысли материальны? Все знают, но всегда забывают, а зря.

Глава 3. Новые пристрастия, старые мечты

Я стояла у окна и смотрела, как хлещет за окном. С недавних пор я полюбила дождь. Пока мне приходилось ездить на работу, он мне мешал, а теперь, когда меня никто нигде не ждал, я только радовалась очередному затяжному ливню. Так у меня сразу находилось оправдание, что я сижу дома. Особенно приятно было, когда ненастье заряжало на все выходные. Оно словно уравнивало меня с теми, у кого в сухую и солнечную погоду обязательно нашлось бы место для отдыха, компания и развлечения. А так мы все вынуждены были прятаться в своих квартирах. Не важно, что кто-то при этом отменял свои планы, а кто-то и так бы не двинулся с места.

Я наблюдала за тем, как потоки воды поливали двор, опротивевший мне с некоторых пор. Моя квартира располагалась в относительно новом жилом комплексе. Ему уже было несколько лет, но при взгляде на него сразу же на язык просилось слово «новостройки». Наш двор располагался между двумя огромными кирпичными домами, построенными в форме буквы «Г», и состоял из обширной по площади стоянки для машин и такой же гигантской детской площадки с резиновым покрытием. Двор-колодец с несмолкающими детскими криками и ударами мяча по невысокой железной ограде. Порой мяч попадал в стоящие рядом дорогие машины, вызывая у них вопли сигнализации. Ни деревца, ни кустика: здесь ничего не могло прижиться, потому что под двором находилась еще одна стоянка – подземная. И лишь на крошечных пятках желтой земли возле подъездов зеленела редкая, чахлая травка да невысокие кусты, ровно срезанные, будто стриженные под полубокс. Меня всегда расстраивало, что даже этим кустишкам не позволяли разрастаться, словно тут зелени было в избытке.

Когда на выходные выпадала хорошая погода, я изо всех сил ждала понедельника. Мне стали нравиться будние дни, потому что теперь я отдыхала, а остальные в это время работали. На улице было мало народу, в магазинах – свободно. А еще в будни почти никто не ездил за город, поэтому в те дни я не ощущала обиды на судьбу оттого, что у меня больше нет дачи. Зато пятничными вечерами из двора внезапно исчезали почти все машины, и сразу становилось понятно, куда они все подевались. Еще один повод для зависти.

Мне так этого не хватало! Петляющих лесных тропинок, запахов ландышей и хвои, речки или озера, возле которых можно было посидеть с удочкой, спрятавшись в зарослях высокой прибрежной травы. Купания в ледяной проточной воде, вечерних посиделок у костра. Зудения мошек, тучей висящих над выжженной зноем поляной. Шума лесных деревьев, шелеста луговых трав, плавленого от жары полуденного воздуха. И целого сонма осенних ароматов: запаха прелых листьев, грибов, мокрой земли. Какой-то невообразимой, бесконечной свободы, когда стоишь перед раскинувшимся бескрайним полем колосьев, колышущихся под легким ветром, и тебе кажется, что ты вот-вот окунешься в золотое море. Даже грозы в деревне проходили иначе. Я долго пыталась избавиться от этой тоски, не цепляться за прошлое, находила любую возможность, чтобы заменить, пусть неравнозначно, иначе, но заполнить пустоту, возникшую, когда я лишилась возможности бывать в любимившемся месте. И у меня получалось, но теперь я оказалась один на один со своими мыслями и воспоминаниями, и тяга вернулась.

* * *

Хотя я потихоньку даже начинала входить во вкус полнейшего безделья. Пусть меня изначально совсем не радовал этот вынужденный простой, но я уже давно научилась радоваться мелочам, а еще – находить в любой ситуации плюсы. Даже если на первый взгляд ситуация патовая.

Я до сих пор так и не потратила почти ни копейки из отступных. Мне не хотелось просто так касаться этих денег, использовать их на какие-то обыденные расходы. Пока они лежали в банке, и на них капал небольшой, но приятный процент. А куда мне их было тратить? Я

могла довольно долго не работать, год уж точно. Целый год торчать в квартире, которую совсем недавно я так мечтала сменить на съемную!

Коротко звякнул мобильный. Я наконец оторвалась от созерцания бесконечного дождя и уткнулась в телефон: это ожил чат бывших коллег в ВК. Все активно и эмоционально обсуждали недавнее мероприятие – очередной поход в новый квест с последующими посиделками в пивном ресторане. Все скидывали фотографии и короткие видео. Бегло просмотрев одно, я с ноющим сердцем закрыла приложение. Как ни странно, меня тоже приглашали, видимо, еще не успели полностью вычеркнуть из памяти, но я, скрепя сердце, отказалась. Мне очень хотелось повеселиться, но когда я представила знакомые лица, связанные общим делом, и разговоры на рабочие темы, которых невозможно избежать, если собирается вечеринка из одних только сослуживцев... Я бы чувствовала себя среди них чужой. У них до сих пор было нечто общее, важное, объединяющее, а у меня уже этого не было. И вроде к мероприятию это не имело отношения, и люди не поменялись, а мне уже было бы с ними неудобно. Словно все они хозяева, а ты – случайно забредший гость или бедный родственник, которого позвали из жалости. И я не поехала на встречу, а никто особенно и не уговаривал. А теперь в чате бурлили восторги, и я молча оттуда вышла. Зачем я им, такое унылое говно?

Вечером я снова устроила себе фальшивый пикник перед фальшивым костром на экране. Приготовила «сырную пятницу», хотя был только понедельник, и разместила на полу. Вокруг пледа мерцали хаотично разложенные свечи-таблетки, а чуть дальше, на блюдцах стояли две большие толстые свечи с криво оплавленными краями. Их яркое пламя быстро растопило полупрозрачный воск, переливавшийся перламутром, словно в глубоких чашах, и я зачем-то окунула в него кончики пальцев. Кожу приятно обожгло, и на безымянном, среднем и указательном пальцах застыли тонкие восковые шапочки. Мне вдруг вспомнился случай из детства.

Когда мне было лет десять, гостя на зимних каникулах у бабушки, я сильно заболела. Были моменты улучшения, потом снова становилось хуже, и видимо, от сильной усталости и высокой температуры я воспринимала все слишком остро.

Однажды, когда мне в очередной раз полегчало, я решила сделать свечку из елочного украшения, как научили меня подружки. Нужно было в стеклянную игрушку залить растопленный воск, а когда он застынет, разбить ее. Так можно было получить свечу любой желаемой формы. Я вроде все сделала по правилам: вставила в не застывший еще воск фитиль, подстелила газету под осколки, взяла дедушкин молоток. Но я не догадалась защитить пальцы и, когда хрупкая игрушка разбилась, порезалась. Это была всего лишь крохотная ранка на указательном пальце, но под гнетом болезни я почему-то подумала, что осколок остался внутри. Как раз незадолго до этого я слышала жуткую историю, как медсестра, делая укол, забыла иглу в теле, и та с током крови дошла до сердца. О, как же пугал меня этот осколок, путешествующий по моим венам и желающий меня убить!

Затем мой организм пошел на поправку, и страхи вроде немного позабылись. Я опять расплавила свечу и на этот раз слепила из нее человечка. А после этого у меня случился жар, кажется, я даже бредила, и белая безглазая фигурка, пахнувшая парафином, ужасала меня и сводила с ума. Бабушка ее выбросила от греха подальше. После той болезни меня еще долго не отпускало отвращение к запаху воска и свечей...

Сняв с пальцев восковую пленку, я принялась за свою любимую трапезу. Дождь не переставая шел весь день и сейчас тоже стучал в стекло частой дробью. На экране потрескивали дрова и что-то тихонечко шуршало. Мне вдруг стало ясно, что давно уже стоило удалиться из рабочего чата, в котором я черпала только грусть и легкую зависть.

Я заглянула в приложение банка, чтобы, как нередко в последнее время, полюбоваться на круглую сумму процентного вклада. Почему я так боялась его трогать? Условия вклада позволяли менять остаток на счете хоть каждый день. Вообще я иногда откладывала то или иное действие без видимых причин, потому что словно каким-то чутьем определяла нужное время.

Но даже мне самой это было до финала неизвестно, и поэтому подобные отсрочки тревожили и висели над душой. Казалось, что я упускаю возможность. Каждый раз в итоге я убеждалась, что предчувствие меня не обманывало, но я так и не смогла поверить в свою безупречную интуицию.

Так и в этот раз до меня наконец дошло, зачем я хранила деньги. Меня буквально осенило, на меня снизошло откровение! На них же можно было купить дачку или маленький домик в деревне! Пусть простенькую, без особых удобств, пусть далеко от Москвы. Но может, тем и лучше. Так она еще сильнее будет напоминать мне ту, утраченную, любимую дачу. Ну и кто теперь будет говорить о страхе перед желаниями? Чего тут бояться? Действовать надо!

Озаренная своей новой идеей, я торопливо прикончила «сырную пятницу», уселась за ноутбук и, вооружившись бокалом вина, зашла на сайт по продаже недвижимости.

Глава 4. Дом, милый дом...

Такси мчалось по пустынному шоссе, а я уже места себе не находила, так хотелось скорее добраться до пункта назначения. Я буквально извертелась на заднем сиденье, пытаюсь охватить взором мелькающий за окнами осенний пейзаж. Мимо нас проносились невзрачные желтые и рыжие деревья, небо было серым, собирался дождь. Но мне все казалось таким красивым! Еще бы. Я ехала на свою дачу. Я «сбыла» свою мечту! Ту самую, которую таскала за собой с момента расставания с бывшим. Видимо, она досталась мне бонусом, так сказать, «при разделе имущества».

Таксист с флегматичным спокойствием периодически косился на меня в зеркало заднего вида: как я суежилась и вертелась, опускала боковое стекло, потом, быстро замерзнув от встречного ветра, поднимала его, затем снова жала на кнопку, и оно ехало вниз. Кажется, мне хотелось застать те самые мгновения, когда мы повернем на мою – теперь уже мою! – улицу и вырлим к моему дому. Хотелось запечатлеть его в памяти – мой первый раз. Я почему-то именно эти моменты помнила о бывшей даче. Дорогу, дугой огибающую лес, и въезд в деревню. По правую руку – продуктовый с громким названием «Центурион», который бывший со своими друзьями называли «Цитрамон». А затем – резкий поворот направо, и еще раз направо – на крутом вираже съезд на траву к самым воротам нашего дома. Мне очень нужно было вытеснить те воспоминания, вырваться из ностальгии, в которой я застряла на долгие годы.

Наконец мы свернули с шоссе под указатель, который я не успела прочесть, и какое-то время катили, слегка подпрыгивая на неровной, разбитой дороге через лес. Потом мимо побежали ряды разномастных заборов, из-за которых выглядывали деревянные и каменные домики, и вдруг машина внезапно остановилась напротив облупленной темно-зеленой калитки. Экран навигатора, который молчал всю дорогу – то ли таксист отключил звук, то ли был в наушнике – показывал, что наше путешествие окончено.

Забрав пакет с продуктами и рюкзак, я высадилась из машины, и таксист почти сразу ударил по газам, не став дожидаться нового заказа. А я в растерянности озиралась по сторонам и топталась на месте, не решаясь подойти к дому. Кажется, здесь была какая-то ошибка. Вот не зря же у него навигатор молчал, не туда он меня привез!

Но нет, на сломанной штакетине, чуть покосившись, висела старая выцветшая табличка с номером девятнадцать. Все правильно, номер верный, но может, улица не та? Или мы вообще в другое поселение заехали? Слишком тут было пустынно и тихо. Я снова обернулась вслед машине, но та уже скрылась за поворотом, словно торопилась поскорее убраться с этой нежилой улицы.

Я находилась в двух шагах от дома своей мечты. В буквальном, в прямом смысле стояла рядом. А мне уже хотелось отступить назад по временной шкале: туда, где я в небольшом офисе агентства по недвижимости подписываю бумаги по сделке. Хотелось вернуться туда и хорошенько все обдумать.

Продолжая стоять на обочине, я опустила тяжелый пакет на влажный от начинающейся мороси асфальт, внимательно и хмуро разглядывая свое приобретение. Не возникало сомнений, что это тот самый дом, который мне демонстрировали на фото, но выглядел он иначе. И дело, скорее всего, было даже не в приукрашенных «Фотошопом» снимках. Просто мне показывали старые картинки, которым очень много лет. И я верю, что когда-то эта чуть накренившаяся на один бок угрюмая изба выглядела именно так, как в объявлении о продаже. Ну, почти так. Потому что фотографии были то ли специально, то ли случайно сделаны с таких ракурсов, что в кадр не попал ни добротный двухэтажный сруб соседей справа, ни еще более богатый, почти особняк соседей слева. Который, к тому же, практически подпирал мой неказистый

домишко с одного бока, грозной горой нависая над ним и закрывая и свет, и обзор. Впрочем, допускаю, что на момент съемки этих домов еще не существовало в проекте.

На рекламных картинках красовалась веселая дачка, со свежеекрашенными в белый цвет резными наличниками и яркой оградкой вокруг небольшой открытой веранды. На снимках было видно чистую, утоптанную тропинку, ведущую от калитки к крыльцу, вдоль которой цвел белый и розовый клевер. Сейчас весь двор вместе с дорожкой густо зарос бурьяном и был покрыт слоем опавших листьев, поломанных веток и сосновых игл, которые никто не убирал. Я почему-то считала, что перед моим приездом прежние хозяева приведут двор в порядок, но видимо, главной их задачей было спихнуть ненужную и, скорее всего, обременительную недвижимость в новые руки.

А Впрочем, я же сама хотела не вылизанный дворик с коротко стриженным газоном, а участок, буйно заросший разнотравьем. Значит, ничего страшного, приберусь сама. В этом даже имелись плюсы. В момент уборки своего нового жилища ты словно сближаешься, роднишься с ним. Так у меня всегда начинались отношения с очередной съемной квартирой. Чтобы познакомиться со своим жильем, нужно было провести в нем уборку, и не особо важно, если хозяева перед твоим заселением уже все выдраили. Хотя мне чаще доставались довольно грязненькие квартиры, которые приходилось отмывать самой.

Чтобы подружиться с кухней, традиционно стоило приготовить на ней что-то глобальное и вкусное. Так и здесь: раздобуду грабли – наверняка у бабушки где-то в сарае они имеются, вычищу весь двор и почувствую наконец его своим. Может, первая неприязнь к новому дому на этом и закончится. К тому же, я еще не видела участок полностью. Надо было посмотреть, что за домом. Вдруг там все намного приятней и соседские «небоскребы» не мешают? А главное, самое время было заглянуть внутрь. Вполне вероятно, что дом снаружи потемнел из-за дождей и от времени, ведь его давно никто не обновлял, поэтому казался таким неприглядным. Но это была не дача, а именно дом, где до недавнего времени постоянно жила старушка, поэтому внутри должно быть все пригодным для обитания.

Подхватив с земли пакет, в котором кое-что многозначительно звякнуло, я двинулась к калитке. Слой разноцветных влажных листьев пружинил под ногами. Ночевать сегодня я здесь, конечно, не собиралась, но на всякий случай купила кое-что из продуктов про запас, а заодно – красного вина. Потом уже разведая, где поблизости магазины, а пока было не до этого. Для начала нужно было осмотреть свою дачу, понять, что нужно докупить, что заменить, что требует ремонта. Хотя хозяева убеждали, что все в доме в рабочем состоянии, ведь их бабушка жила и не жаловалась. Сказали, что она даже зиму там проводила!

* * *

С натугой отперев длинным ключом массивный ржавый замок, криво висевший на петлях, я потянула на себя входную дверь. Тяжелая створка поддалась не сразу, мне пришлось ее подергать. Петли нервно скрежетнули, и она наконец приоткрылась. Из проема дохнуло застоявшейся пустотой, и в ту же секунду сердце болезненно сжалось, а невидимые ледяные иглы прошили кожу, как бывает от внезапного разочарования. Я вдруг сразу поняла, что в этом доме уже давно никто не жил. Скривившись, я шагнула внутрь. Здесь было сыро и промозгло, несмотря на то, что почти весь сентябрь простоял довольно теплым и солнечным, и лишь в последние пару дней пришли мелкие дожди. Откуда-то тянуло плесенью, гнилыми досками и еще чем-то неприятно-сладковатым.

Я оставила пакет у входа и медленно прошла по необитаемым комнатам, разглядывая обстановку. С каждым шагом меня все сильнее окутывала тоска и ощущение бессилия. Мне вдруг вспомнились документальные фильмы про Припять, и то, как мы с бывшим лазили по заброшенной военной части, где казармы были примерно в таком состоянии. Лоскутные покрывала на узких железных кроватях казались сырыми даже на вид. В коридоре стоял невы-

сокий, еще советских времен, холодильник с приоткрытой дверцей, грязный шнур с выдернутой из розетки вилкой тянулся по полу. Там же на бревенчатой стене висели клочья пыли и отрывной календарь лохматых годов. Внутри двойных оконных створок клубилась грязная паутина, по цветастым шторкам ползли серые пятна плесени. На одном из подоконников стояла пыльная банка с засохшим, скорченным букетом физалисов.

В самой большой из комнат треть пространства занимала каменная печь с зияющей пастью очага, вокруг которой, как вокруг грязного рта, чернела копоть. Порывшись в глубине рюкзака, я нашла старую, почти пустую зажигалку, которую таскала со времен какого-то давнишнего похода с коллегами на шашлыки. Вытащив из кармана куртки скомканные чеки, которые забывала выбрасывать, я подожгла их и сунула в жерло печи. Бумага быстро прогорела и погасла, дым пошел в комнату.

На стене висели пустые рамки из-под фотографий, в некоторых оставалось треснутое стекло, часть осыпавшихся осколков хрустнула у меня под ногой, когда я подошла ближе. Однажды из деревенского дома моего бывшего тоже стащили старинные снимки его родственников. Потом выяснилось, что от воров пострадало много домов на нашей улице. Черно-белые фотокарточки, оказывается, скупали как винтаж для оформления интерьера. Бродяги и выпивохи залезали в дома и крали последнюю память о дедах и прадедах, чтобы продать за копейки и пропить. Я однажды как-то зашла в кафе с интерьером, оформленным в стиле ретро. Там был коллаж на всю стену из таких фотографий: выцветших, блеклых, местами порыжевших или потрескавшихся. С них глядели чересчур серьезные люди с ровной осанкой и напряженными перед камерой лицами, со старомодными прическами и нарядами. Возможно, эти карточки тоже попали на стенд не слишком честным путем. Мне стало неприятно там находиться, и я, ничего не заказав, ушла.

Еле передвигая ноги, я закончила обход. Дом выглядел безжизненным и мертвым. Если тут когда-то жила старушка, было даже непонятно, в какой из комнат. Они были все одинаково бесприютные.

Я вышла на улицу, чтобы более тщательно осмотреть дом снаружи и территорию. Дверка на чердак была распахнута, под ней валялась приставная деревянная лестница. С крыши свисал перекошенный желоб для воды, за мутными окнами не просматривались комнаты. На заднем дворе, за кустарником и бурьяном проглядывали холмики бывших грядок. Там же виднелась пара неухоженных яблонь. Под одной из них стояла треснутая бочка для дождевой воды, из опрокинутого железного ведра наполовину высыпались прелые листья и гнилые яблоки. Мне показалось, что я чувствую их тяжелый кислый запах. С какого, интересно, года они тут?

У меня задрожал подбородок. Я не представляла как тут можно жить. О чем я только думала? Кто покупает дом, не глядя? Разве я смогу сама тут все починить, восстановить, даже просто убрать? Тут все трухлявое, сырое. Да тут находиться просто страшно. Я даже печь растопить бы не рискнула, тем более, что дымоход был засорен. А впрочем, я и топить ее не умела. Хорошо, хоть электричество работало. В каждой комнате под потолком висело по лампочке, где-то даже под абажуром. Зажглись при проверке не все. Да и те, что были исправны, светили настолько тускло, что вечером, наверное, в этом доме становилось просто страшно. Здесь только фильмы ужасов снимать. Ничего не скажешь, выгодное вложение. А как я радовалась-то! Как еще недавно восхищалась сама собой и своей гениальной идеей купить домик в деревне!

От этих мыслей меня захлестнула волна жуткого, выжигающего все изнутри стыда за собственную глупость и столь преждевременную радость. Боже, какой же душой я выглядела перед продавцами этого дома, да и перед агентом. А я еще, чуть ли не раздуваясь от гордости, с таким важным и значительным видом вычитывала договор, буквально по буквам его разбирала, мол, меня не проведешь, я хоть и не юрист, но ушлая. Все подводные камни найду!

Камней я не нашла и в итоге договор подписала. Как же они небось надо мной ухаживали потом. Обвели вокруг пальца простофилю. Неужели неутоленное желание обладать домиком в деревне так на меня подействовало? А ведь я словно под цыганским мороком была. Согласилась купить без просмотра. Кто так делает?..

Начиная всхлипывать, я доволочилась до крыльца и грузным мешком осела на верхнюю ступеньку.

Глава 5. Где мой очаг, где мой ночлег...

Скорчившись в три погибели, я сидела на полусгнивших ступенях своего «нового» крыльца и беззвучно всхлипывала. Все было сырое и влажное, под стать настроению: мое лицо с потеками слез, воздух, наполненный крошечной осенней моросью, буйно разросшаяся трава на заднем дворе и едва заметная тропинка от крыльца к калитке. Слой первых опавших листьев, устилавших двор, и две нижних ступеньки, скользких от дождя. Сыростью тянуло и из дома через плохо притворенную дверь – но не влажной свежестью, как с улицы, а затхлостью и плесенью.

Я уже успела нарыдаться всласть, а теперь сил уже почти не осталось, да и слезы почти все вытекли. Поэтому мне оставалось судорожно вздрагивать: уже больше по инерции, а не от горя. Горе тоже как будто куда-то исчезло, в душе воцарилась пустота – прекрасный рассадник злости, самоедства и прочих уничижительных действий, направленных на саму себя, когда уже поздно что-либо менять.

Обратного хода действительно не было, исправить ситуацию не представлялось возможным.

Что я могла? Попробовать восстановить дом? Точнее, эту старую отсыревшую рухлядь, которую язык не поворачивался назвать избой.

Снести все к чертям и воздвигнуть на этом месте новый?

Или просто забить на ситуацию, забыть, что у меня есть это замечательное недвижимое имущество, сожравшее все мои накопления, которые я так лелеяла и берегла для особого случая, и никогда больше сюда не возвращаться? Когда-нибудь дом перейдет по наследству к моим дальним родственникам, узнавшим о моем существовании в момент передачи того самого наследства. То-то они обрадуются! Такой гадюшничек в подарок! Хотя, может быть, у них хватит сил и средств что-то с ним сделать. А у меня их нет. Снести и построить новый – уж точно. А восстановить?

Я обернулась и, насколько смогла, вытянула шею, чтобы, не вставая со ступени, осмотреть фасад обветшавшего сруба. Нет, нечего тут восстанавливать. Снаружи-то еще более-менее, но я уже побывала внутри, и соваться туда мне больше не хотелось.

Между тем стало смеркаться. Сентябрьские сумерки надвинулись будто из ниоткуда, быстро и незаметно, пригнав заодно с собой вечернюю прохладу. Ночевать в сыром, нетопленном, неприятно пахнущем доме я, конечно, не собиралась, поэтому полезла в телефон, чтобы вызвать такси.

Связи не было. Не интернета, а вообще любой связи, даже телефонной. Ни единой рисочки возле значка антенны. На всякий случай я перезагрузила телефон, но ничего не изменилось. Я шумно, с голосом, выдохнула, постаравшись вложить в этот стон всю свою досаду и злость. Затем слезла наконец со ступеней и в нерешительности застыла посреди двора. Особняк, монолитной стеной прижимавшийся к моей ветхой лачужке с левого боку, чернел погасшими окнами, как слепыми глазницами. Соседи справа тоже отсутствовали. Их большой дом с угрюмой значимостью возвышался над моим темно-серой тенью без единого проблеска света в глубине. Меня же угораздило притащиться в будний день, а здесь все-таки был не частный сектор, а по большей части богатые дачи. Скорее всего, жильцы навещались сюда только по выходным.

На улице совсем стемнело, по-осеннему быстро. Где-то совсем вдалеке надрывно залаяла собака, и снова воцарилась тишина. Я подошла к забору, выполнявшему больше функцию обозначения территории, чем заградительную: через редкий шербатый штакетник высотой по пояс спокойно просматривался весь двор. Длинная улица, на которой находился мой новый дом, погрузилась в темень: пугающую, с шевелящимися придорожными тенями. Почти

сразу вдоль нее с сухим электрическим треском стали зажигаться желтые фонари, но как-то нестройно, через один. Свет в них подрагивал, моргал, отчего двойные тени, неравномерно растянутые в одну сторону, и укороченные в другую, покачивались и клубились. Пустые хмурые дома, казавшиеся нежилыми и заброшенными, незрячими фасадами выдвигались из темноты под рассеянный, дерганый свет.

Мне нравилось смотреть в похожую черноту, когда я находилась на ярко освещенной улице своего района, смежной с частным сектором. Тогда в груди что-то трепетало, и захватывало дух. Так и хотелось дать волю воображению, представить, а что же там дальше, за этими пустыми, спящими домами? А потом, наглядевшись, намечтавшись, спокойно шагнуть в яркое пятно света от лампы на порог родного подъезда. Здесь спасительного света и тепла не было, за спиной стоял лишь неприветливый, чужой мне дом.

Я осторожно, чтобы не испачкаться, скинула ржавый крючок с калитки, вышла на дорогу и, встав напротив калитки, вгляделась в конец улицы, по которой, наверное, можно было добраться до автобусной остановки. Но мне совершенно не хотелось идти под тусклыми фонарями в это дрожащее темное пятно, которым заканчивалась пустынная улица, и я вернулась во двор. Еще несколько раз проверив телефон, походив с ним взад-вперед, поднимая вверх, словно это должно было помочь поймать сигнал, я убедилась, что все бесполезно. Кажется, мне предстояло ночевать тут. От идеи пройтись и поискать редких дачников, предпочитавших отдых по будням, я сразу отказалась. Я даже не могла понять, чего больше боюсь: бандитов, маньяков или потусторонних сил. Хотя, впрочем, бродяги вполне могли посещать эти места, пока дома пустуют. Кто-то же стащил фотографии.

Меня охватило ощущение полной безнадеги и бессилия. И отчасти – нереальности происходящего. Когда ты стоишь и думаешь, неужели это случилось со мной? Вроде ничего сверхъестественного, ничего особенно ужасного, и тем не менее, такая тоска в сердце, такая безысходность. Кажется, будто ты навсегда выпала из нормального течения жизни. Хотя мне всего лишь предстояла одна очень неприятная ночевка. Подумаешь, в семнадцать лет как-то зимой в подвале с крысами ночевала, даже заснуть смогла – прямо в полушубке, на лавочке! И страшно не было. Правда, я была с друзьями, и в те дни эта ситуация, скорее, казалась приключением, а не бедой. И в том подвале была оборудована база для репетиций музыкальной группы, играющей в стиле хеви-метал. Ну как оборудована... Интерьер в стиле «Грязный подвал и на стенах женщины...» Но мы там часто собирались, поэтому место уже почти родным стало, да и трубы отопления прямо по стенам шли.

А здесь был чужой холодный дом, и как мне расположиться на ночь, я пока не представляла, кроме того, что спать, конечно, предстояло в одежде. Зато я порадовалась своей предусмотрительности: не зря я прихватила с собой вина! Накидаюсь так, чтобы себя не помнить. Зато притупится страх, а главное, будет не так мерзко и противно от отсыревших покрывал и неприятного запаха. А завтра, как только рассветет, если даже связи не будет, доковыляю как-нибудь до остановки. А может оттуда такси и вызову.

Я вдруг подумала, что необязательно ждать ночи в промозглом и сумрачном доме. Можно попробовать разжечь на заднем дворе костер, сидеть там, пить и греться, пока глаза слипаться не начнут. Все уютнее, чем внутри. А когда уже сил совсем не останется, доползти до кровати и немного поспать.

Эта мысль, побуждающая хоть к какому-то действию вместо самобичевания, меня немного приободрила. Я решила еще раз обойти дом, чтобы выбрать наименее неприятное место для ночлега, а заодно поискать бумагу для розжига, да и дрова, возможно, были припасены, раз печь стояла. Какие-то не прогоревшие головешки можно было прямо из ее очага перетаскать на кострище. Кстати, насчет вина, кажется, тянуть уже смысла не было. Вечерний холодок уже проникал за воротник, и пора было начинать греться изнутри.

Я зажгла тусклую лампочку в комнате с печью и перетащила на небольшой, грубо сколоченный стол пакет с продуктами. Переживания слегка отступили, и на передний план резко выдвинулся голод. Из запасов у меня была ветчина в вакуумной упаковке, черный хлеб, яблоки и картофельные чипсы. Еще я взяла с собой доширак, но в этих условиях не смогла бы вскипятить воду. Я буквально на весу, чтобы не касаться грязного стола, отрезала толстый ломоть хлеба и почти такой же кусок ветчины, умяла их в один присест и сделала вторую порцию. Хорошо, что догадалась прихватить с собой походный нож, а еще плотные пластиковые стаканчики. Даже от одной мысли чтобы использовать местную посуду, становилось тошно. Утолив голод, я запила бутерброды вином, вооружилась мобильным для более яркого освещения и отправилась исследовать дом.

От этой прогулки мой боевой настрой слегка сдулся. Ни одно спальное место не вызвало желания не то чтобы переночевать на нем, а даже присесть. Однако нужно было что-то выбрать. Я остановилась на самой маленькой угловой комнатке по левую сторону от входа, где едва умещалась кровать, широкая тумбочка и платяной шкаф с облупленной, местами вздувшейся полировкой. В небольшом помещении был шанс согреться хотя бы своим теплом, да еще надышаться. Да и покрывало на кровати выглядело наименее заплесневевшим. Свет здесь тоже зажегся, что сыграло в пользу этой комнатки. Я решила спать при свете.

Определившись с ночевкой, я побрела по дому в поисках бумаги, дров или хотя бы дровяшек, которые не жалко было сжечь. Точнее, мне здесь вообще ничего было не жалко, главное, чтобы это реально было перетащить на задний двор. Для этих целей я присмотрела пока только парочку стульев.

Я медленно ходила по дому, подсвечивая себе мобильным и отпивая понемногу вино из стаканчика. То ли я уже устала переживать, то ли потихоньку начинало действовать «успокоительное», но даже страх в полумраке едва освещенных комнат у меня почти отступил. Я нашла несколько старых журналов, которые можно было бы пустить на розжиг, и отложила на всякий случай пару толстых книг: если вдруг влажные глянцевые страницы не захотели бы гореть. От мысли, что я собираюсь жечь книги, мне стало не по себе, и я решила оставить их на крайний случай. Кружок фонаря вдруг высветил в стене рядом с моей «спальной» дверь, на которую я вначале не обратила внимания, может, потому что она была наполовину занавешена куском грязной гобеленовой ткани. С надеждой, что это кладовая с дровами, я сдернула ткань и вошла внутрь. Свет здесь тоже удалось зажечь, но это оказалась вовсе не кладовая. Увиденное настолько меня поразило, что я даже отступила от двери на пару шагов и в оцепенении застыла.

Глава 6. Аппаратная

Я готова была увидеть в этой каморке что угодно, но только не это. Мне кажется, я бы меньше удивилась, обнаружив здесь ступу и метлу, ведьмовской колпак и котел для зелий — любую странную вещь, на которую было способно мое воображение. Склад оружия или каких-нибудь жутких кукол, церковную утварь или просто бессистемно собранное барахло, которым порой завалены квартиры сумасшедших. Даже оклеенные фольгой стены удивили бы меня меньше. Наверное, я даже проще восприняла бы ситуацию, найдя в этой темной тесной комнатухе мумифицированный труп!

Хотя, конечно, это спорный вопрос. Допускаю, что мне так только казалось, а увидев в каморке мертвеца, я бы улепетывала с воплями, уже не пугаясь тусклых желтых фонарей и ползущих вдоль дороги теней. Бежала бы, как выражался мой бывший, высоко подбрасывая колени! Но все же вещь, которую я обнаружила, совершенно не вязалась ни с деревенской избой, ни со старушкой, якобы доживавшей тут последние дни.

Озадаченно и вместе с тем заинтересованно я таращилась на крашеный в коричневый цвет пол каморки. Между плотно сбитыми досками были выпилены окошки, из которых выступали металлические предметы необычной формы и неизвестного мне назначения. У противоположной входу стены внизу в деревянный пол было врезано нечто, напоминающее приборную доску из фантастического фильма об альтернативном развитии технологий: о машинах на паровых двигателях, о дирижаблях и самоходных механических повозках. Панель была сделана из потемневшей бронзы, с черными кнопками, переключателями и резисторами, круглыми экранами из толстого стекла, за которыми прятались цифры и непонятные знаки.

По всей площади комнатухи из пола то тут, то там выступали шестеренки, две из которых соединяла металлическая гусеница, скрученная лентой Мебиуса; медные цилиндры, усеянные штырьками, небольшие рубильники, странные пластины с зубчатыми краями, кнопки, рычаги с многоступенчатым переключением. Это была полная и бессмысленная на первый взгляд мешанина приборов. Как будто множество разных механизмов разобрали, вытащили из каждого по одной-две детали, сгрудили все здесь и беспорядочно приделали к полу.

Однако каким-то шестым чувством я ощущала, что запчасти связаны между собой, и у каждой есть определенная функция. Все это напоминало какую-то невообразимо сложную головоломку. Я попыталась представить старенькую, немощную бабушку, ползающую на коленях по полу и переключающую сморщенными пальцами рычажки, и меня слегка качнуло от этой безумной картинки, будто созданной у меня в голове кистью Сальвадора Дали.

Казалось невозможным даже предположить, каково истинное назначение этих приспособлений. Может, все было намного проще? Нужно было из чего-то сделать пол, но не хватило материала, вот его и собрали из первых попавшихся железок. Хотя как же, первых попавшихся! Такие вычурные детали еще нужно было поискать.

Несколько элементов этой странной конструкции находилось и в стене. Медный диск с отверстиями вдоль окружности, большая замочная скважина с ключом, металлические стрелки за круглым окошком, пузатые колбы, соединенные витыми медными трубками и напоминающие самогонный аппарат. Я задумалась. Может, это оно и было? Тогда ничего удивительного, что эта ерунда находилась в бабкиной избе. Самое подходящее для того место. Только вот для деревенских самогонщиков устройство выглядело чересчур уж сложно и мудрено.

Я шагнула в каморку и в нерешительности потопталась по полу, стараясь не наступить на непонятные металлические элементы. В одном месте были две зеркально расположенные выемки, похожие на большие человеческие следы, но я специально держалась от них подальше, мало ли что. Усевшись на колени, я поставила стаканчик с вином на пол и попыталась разгля-

доть, что за цифры скрывались за толстым стеклом, но оно было настолько мутным и испарянным, что в сумрачном свете ничего не вышло различить. Дотянувшись до ближайшего рычажка, я передвинула его на другую сторону. Мне показалось, что в ответ где-то в глубине дома раздался короткий скрип или треск. Я на всякий случай вернула рычажок обратно и поднялась. Кажется, с этой загадкой лучше было разбираться при свете дня.

В голове уже начинало шуметь от вина, а до ночи было далеко. Мне еще предстояло развести костер. Странный механизм я решила изучить потом. Хотя не уверена, что смогла бы хоть что-то понять. Я вышла из «аппаратной», как для себя окрестила эту комнатку, прикрыла за собой дверь и, прихватив стулья, отведенные на растопку, отправилась во двор.

К моей радости и облегчению за домом в зарослях травы и кустарника обнаружилась лавочка, а рядом с ней – небольшая прогалина, укрытая лишь жухлыми листьями. Там ничего не росло, видимо, долгое время на этом месте разводили костер. Я, призвав на помощь всю свою злость на ситуацию, ногами разломала старые стулья и соорудила из их останков подобие шалаша. Сунув внутрь скомканные страницы журнала, я попыталась их поджечь. Жалкий огонек пополз по краю глянцевої бумаги, почти погас, затем снова появился. Шансы на то, что костер разгорится, все же были. Мне не хотелось уничтожить всю легкую мебель в доме. Крадучись и оглядываясь, хоть следить за мной было и некому, я подобралась к ветхому забору и почти без труда отодрала несколько штакетин. Они выглядели чуть более сухими, чем ветки, валявшиеся во дворе. Дождавшись, когда наконец загорится ножка стула, я подбросила в огонь парочку досок. Сырые дрова заходились с трудом. Пламя лениво и будто с отвращением лизало подолгу с боков каждую деревяшку, прежде чем окрасить оранжевым цветом. Но наконец костер стал разгораться, на заднем дворе посветлело, и я сходила в дом за вином. Заодно прихватила оттуда пару покрывал в качестве подстилки и в надежде хотя бы немного подсушить их у костра.

* * *

Я сидела на заднем дворе уже больше часа, понемногу отхлебывая вино и подбрасывая в огонь доски, которые предварительно сушила, расставив на ребрах вокруг костра. Тот довольно хорошо разгорелся, и я почти не ощущала прохлады. Тепло разливалось по жилам, у меня даже заметно поднялось настроение. Над деревней сгустилась ночь, небо было черным и беззвездным из-за туч. Вокруг стояла полная тишина, слышно было лишь потрескивание поленьев – настоящее, не фальшивое, как в моем экранном камине во время пятничных посиделок на пледе.

Если абстрагироваться, попытаться хотя бы какое-то время не думать о том, что натворила, купив полуразваленный дом, то можно было даже получать удовольствие. Наслаждаться загородной тишиной, запахом осени и горящих углей, пусть иногда дым и пахивал не очень приятно, когда прогорало гнилое дерево. Мои недавние страхи отошли на задний план. Про странную комнату с железками я старалась не думать. Сейчас я ощущала ностальгию и легкую грусть, даже уют. Мне вспоминалась дача бывшего, где я так любила отдыхать. Мы каждый заезд по вечерам разводили там костер, с шашлыками или без.

Перед этим я уже успела повспоминать и недавнюю работу, с которой пришлось уйти, и коллег, так быстро меня забывших, словно, выпав из рабочего коллектива, я потеряла всю свою личностную ценность и больше не представляла интереса. Как сквозь плотную пелену в памяти вставало недавнее разочарование, долгие рыдания на крыльце и ужас от предстоящей ночевки в холодном недружелюбном доме. Сейчас острые переживания сгладились, и я, глядя на пляски огня, почти равнодушно размышляла о том, что мне не удастся перепродать этот дом. Вряд ли в ближайшем обозримом будущем найдется еще одна такая же дурочка и лохушка, готовая приобрести эту рухлядь, не глядя. Да я и обмануть бы не смогла. У меня просто не поднялась бы рука тыкать в нос живописными, но сильно просроченными фотогра-

фиями новенького фасада со свежеекрашенными наличниками на окнах и несуществующим внутренним чистеньким убранством. И почему я такой честной выросла? Сколько раз уже по этому поводу переживала. Даже сдачу в магазине бегу возвращать, когда меня случайно в мою пользу обсчитывают. А это значило, что я либо продам этот чудесный дом за сущие копейки, либо он останется со мной.

Чем больше отдалялся момент сделки, тем сильнее меня удивляла беспечность, с которой я согласилась приобрести недвижимость без просмотра. Они с двух сторон на меня надели – семейная пара и агент по продаже недвижимости – и убедили поскорее подписать договор и отдать деньги. Наследница с мужем якобы очень торопились, потому что уезжали и срочно нуждались в деньгах. А так как просили они не очень много (я-то была уверена, что дом в хорошем состоянии), то, по их словам, из желающих купить дом выстроилась очередь. Им требовалось быстрое решение, и при заминке меня бы вычеркнули из списка покупателей.

Я так боялась упустить этот шанс, спугнуть удачу! Ведь все так идеально сложилось: меня осенило идеей, почти сразу нашелся дом мечты. Я гнала прочь сомнения, отмахивалась от вроде бы закономерных вопросов. Например, меня немного удивило, почему наследница не предложила в первую очередь участок соседям. Думаю, что обеспеченные хозяева домов по обе стороны от моей лачужки с готовностью расширили бы территорию за счет моей, снеся старую избу ко всем чертям. Но у меня почему-то язык не повернулся спросить об этом. Так уж все радужно выглядело, так удачно складывалось, что мне не хотелось разорвать контакт.

Я словно нарочно сама себе все испортила. Ведь из подсознания какие-то зачатки здравого смысла вопили: подумай, Ульяна, подумай! А у меня в воображении уже колыхались луговые травы, цвел клевер, наливались яблони на заднем дворе собственного участка, водили хороводы опавшие листья на ветру, посвистывали угли вечернего костра. И слова «Моя мечта сбылась!» гигантским транспарантом, бегущей рекламной строкой перечеркивали любую попытку мне помешать. Я уже жила там, в этом уютном деревенском уголке. Не видела подвоха, не чувала обмана, не замечала фальшивых улыбок и сладких голосов, распевających, как мне повезло, что у них нет времени на поиски более выгодной сделки. Но меня не кинули на деньги мошенники, продав воздух. Дом действительно существовал, и все документы были в порядке. Просто я заплатила за него, наверное, в несколько раз больше, чем он стоил, отдав почти все сбережения. А жить в нем не могла.

Эх, была бы не одинока, был бы у меня кто-то, может, помог бы, подсказал. А так и посоветоваться-то не с кем... Все, всегда и везде сама. Мне кто-то говорил, мол, это же здорово, все эти неурядицы так закаляют характер. Ты можешь гордиться тем, что самостоятельная и сильная! Да, конечно. Нас имеют, а мы крепчаем. Я бы все же предпочла быть везучей размазней, а не неудачницей с закаленным характером.

Отгнав унылые мысли, как назойливую осеннюю муху, я подбросила в кострище очередную доску. Тяжелая деревяшка выбила сноп искр из углей, и огонь вдруг с легким свистом попрятался в черных головешках, поглядывая из них множеством оранжевых глаз. Видно, эта доска оказалась слишком сырой: из почти погасшего костра потянулся непрозрачный белый дым, который легкий ветер так и норовил отнести в мою сторону. Я закашлялась до слез и замахала руками, поерзала туда-сюда на лавочке, но клубы едкого дыма старательно ползли за мной следом, забиваясь в нос.

Вытянув в сторону костра обе руки, я сложила пальцы в кукиши и забормотала, как в детстве:

– Куда фиги – туда дым, куда фиги – туда дым...

Внутри костра что-то зашипело, словно он фыркнул в ответ на мою глупую шутку, и дым потихоньку рассеялся, а пламя наконец разгорелось и обьяло собой доску. Я снова погрузилась в умиротворенное созерцание. Ведь именно об этом я мечтала, покупая собственный дом.

Сидеть в тишине у костра. Жаль, что в этом доме невозможно жить и восстановление его я не потяну, поэтому мечта все равно оказалась несбыточной. Хотя...

Я вдруг со смехом подумала, что можно водить в свой дом людей за деньги, на экскурсию в «аппаратную». Можно даже легенду сочинить, для чего это, откуда, как появилось. Так, глядишь, и накоплю на ремонт или даже на новый дом! Мне стало почти весело. Загадочное устройство в каморке было и в самом деле донельзя любопытным. Что же это все-таки такое?

Огонь внезапно снова стал угасать, уже без видимых причин. Ничего не понимая, я поворошила угли длинной суковатой палкой, а потом вдруг ощутила на лице крошечные капли. Заморосил едва заметный дождик, но и его влаги хватило, чтобы пламя сникло. Я с надеждой ждала, что он прекратится, но он только сильнее расходился. Наконец я поняла, что если не уберусь сейчас же, то спать придется не только на отсыревшей постели, но и в мокрой куртке, и сушка покрывал у костра тоже пропадет зря. Я сгребла их одной рукой, второй ухватила бутылку с остатками вина и побежала в дом. Умиравший огонь несколько секунд еще подсвечивал мне путь, а затем дождь победил, и по ступеням я взбиралась почти в полной темноте. Повезло, что лампочки над крыльцом и на открытой веранде, работали, что было даже удивительно.

Дождь тем временем уже полил вовсю. Пока я запирала на засов входную дверь и, спотыкаясь в темноте прихожей, пробиралась почти на ощупь, мне было слышно его стук. Я отнесла не успевшее намочнуть покрывало на кровать, где собиралась спать. В этой угловой комнатке дробь дождя слышалась особенно хорошо. В своих мечтах о доме я так жаждала услышать, как он барабанит по крыше, но этот словно царапал по ней когтями и скребся в окна. Мне снова стало не по себе. К счастью, у меня была припасена еще одна бутылка вина.

«Пусть завтра я проснусь с ужасным самочувствием, зато сегодня сберегу нервы», — решила я.

«Лекарство от страха» помогло. Шорохи, стуки и скрипы стен перестали пугать. А заодно пробудилась глупая бравада и пьяная потребность в суете. И вроде я чувствовала сильное желание спать, однако теперь мне во что бы то ни стало нужно было продержаться как можно дольше. Правда, не знаю, зачем. Скорее всего, подсознательно я прощалась с домом, понимая, что это моя первая и последняя ночь, проведенная в нем. Хотелось накопить немного больше воспоминаний, пусть даже мутных, о своей несбывшейся мечте.

Желание развернуть бурную деятельность разбивалось о реальность: мне было совершенно некуда себя применить. Я даже пьяную эсемеску никому не могла послать, потому что связи не было! И я, отхлебнув очередной глоток, бодрым, но петляющим шагом отправилась в «аппаратную». Боевой настрой, переполняющий меня, подавил прежнюю рассудительность. Я смело встала обеими ногами в выемки, напоминавшие следы. Мне тут же показалось, что пол подо мной слегка просел, и я качнулась, отчего мне сразу стало смешно. Ага, конечно, это просто древние весы! Сейчас на циферблате за толстым стеклом покажут мой вес, да не в килограммах, а в каком-нибудь старинном измерении. Переступив на деревянный пол, я опустилась на колени и внимательно осмотрела части механической композиции. Больше не осторожничая, я принялась рьяно вертеть регуляторы, щелкать рычажками и даже покрутила диск на стене.

И даже несмотря на затуманенный алкоголем рассудок, меня немного смутило, что все переключатели так хорошо откликаются и поддаются, ничего нигде не заедает, не застревает. Словно этим механизмом часто пользовались, в отличие от всего остального в доме. А по идее, он же должен был заржаветь. Я уселась по-турецки на холодном полу и задумалась, ржавеет ли бронза, и бронза ли это вообще. Подсказчика в виде всезнающего интернета со мной не было, поэтому я махнула рукой и тут же об этом забыла, увлеченно передвигая очередную металлическую ручку по длинному, изогнутому лабиринтом пазу.

В какой-то момент мне померещилось быстрое движение на стене. Метнув туда взгляд, я увидела, что за мутным стеклом меняются цифры и знаки: белые с черным шрифтом пластины быстро перелистались с тихим металлическим стрекотом, пока не застыли с новыми данными. Я подползла к стене,дохнула на стекло и протерла его рукавом, но так и не смогла ничего разобрать при скудном освещении. Я зачем-то постучала ногтем по стеклу и потянулась к очередной шестеренке: мне показалось, что она повернулась на несколько градусов. В эту минуту я вдруг различила негромкое тиканье. Было непонятно, откуда доносится этот звук. Казалось, что тикал весь дом, будто он являлся гигантской бомбой, для которой я только что установила старинный механический таймер. Интересно, когда должно было бабахнуть? Наверное, все было указано на циферблате, но я не могла прочесть.

Меня вдруг окутало равнодушие к происходящему, и я ощутила невероятную усталость. Вроде бы происходило что-то страшное, но меня оно не пугало. Как будто страх существовал отдельно от меня: он был, но я его не чувствовала. Кажется, все-таки нужно было поспать. И не стоило откупоривать вторую бутылку. Я с трудом поднялась и, шатаясь, побрела в свою временную спальню, вяло удивившись, когда это успела погасить там свет.

Войдя в комнатушку, я повернула выключатель и порадовалась, что лампочка здесь оказалась самая яркая. А может, ей просто проще было освещать небольшое пространство. В комнате даже было не холодно. Наверное, нагретое на костре покрывало отдавало свое тепло. В общем, все выглядело не так и плохо. Я, брыкаясь, сбросила кроссовки и прямо в куртке завалялась поверх покрывала. И что удивительно, подушка не воняла ни плесенью, ни подвалом. Мне даже показалось, что она пахнет таким хорошо проглаженным бельем. Но тому виною, наверное, стали винные пары, забившие мне нос. Ну и замечательно. Так вполне можно было жить.

«Это, наверное, от яркого света кажется, что теплее, – размышляла я, проваливаясь в сон. – Как будто лампочка способна нагреть помещение. Что-то из нашего прошлого, некая общая генетическая память о времени, когда мы грелись у костра. Чем выше пламя, чем ярче огонь, чем дальше его видно – тем он жарче...»

Перед мысленным взором плясал огонь, внутри которого вертелись огромные шестеренки. Они что-то перемалывали, крутились, скрежетали, а я все складывала и складывала чудную головоломку на бронзовом полу...

* * *

Я проснулась от сильной жажды, а заодно от еще одного естественного желания. С хриплым стоном, не открывая глаз, я поднялась и села на кровати, пытаясь ногами на ощупь отыскать обувь. Ничего не нашлось. Я вышла из комнаты босиком.

Питьевую воду я привезла с собой в пакете с продуктами, и еще полбутылки должно было остаться в рюкзаке. Вытянув перед собой руки, я шла по темной избе, натываясь то на стул, то на дверной косяк. Мне казалось, что я оставила везде, где смогла, лампочки включенными. Сейчас во всем доме была полная темень, и только желтый, неяркий прямоугольник света сочился из моей спальни.

У меня почему-то не получилось обнаружить ни пакет, ни рюкзак. Чертыхнувшись, я толкнула дверь из теплой части дома, прошла, цепляясь за стену, до выхода на улицу и долго пыталась справиться с запором. Мне казалось, что я перед сном всего лишь задвинула засов, а здесь откуда-то взялся замок, и я, подпрыгивая на пороге от почти нестерпимых уже позывов организма, никак не могла сообразить, в какую же сторону и сколько поворотов сделать.

Наконец я оказалась на крыльце. Ступни в одних носках тут же заледенели, и я заскочила обратно в дом. В неверном свете утренних сумерек я увидела стоявшие у порога черные войлочные ботинки на молнии, сунула в них ноги и снова вышла на улицу. В нос мне ударил сонм

осенних запахов. Дождя уже не было, в полупрозрачном воздухе висели крошечные капельки тумана. Серый рассвет медленно обволакивал небо.

Туалет находился за домом. Лезть туда через кусты и мокрую траву совсем не хотелось, и я подумала, что ничего страшного не случится, если присесть где-нибудь поблизости. Дождик все смое. Облегчившись прямо у крылечка, я блаженно вытянулась во весь рост, оглянулась по сторонам и обомлела.

Богатые дома по обе стороны от моего дома исчезли. Они больше не нависали с боков, закрывая обзор. Вместо них почти сразу за забором, который показался мне более целым, чем вчера, начинался лес. Мало того, лес вообще полностью окружал мой участок: за калиткой не оказалось улицы с желтыми фонарями. Там тоже стояла стена деревьев. От моей ограды ее отделяла небольшая полянка, пересеченная узкой тропкой.

Я на несколько секунд крепко зажмурилась и сдвинула двумя пальцами переносицу. Открыв глаза, я увидела все ту же картину: вокруг был глухой лес. Ерунда какая-то. Зря я все-таки вчера вторую бутылку начала, неважно она на меня подействовала. Мне еще ни разу в жизни не случалось напиваться до галлюцинаций, и это было страшно.

Я замерзла и совершенно не выпалась. Наручные часы показывали шесть часов. Единственно верным решением было вернуться в дом и доспать. Тогда все и прояснится. В голову уж точно. Единственно, мне до ужаса хотелось пить. В поле зрения попал уличный рукомойник с кружкой. Вчера, видимо, была в таком настроении, что даже его не заметила. Я брезгливо взяла кружку кончиками пальцев. На вид она казалась чистой, внутри поблескивала вода: возможно, дождевая. Жажда оказалась сильнее, чем отвращение. Я одним глотком влила в себя воду – она показалась мне необычайно вкусной, почти сладкой – и, не оглядываясь на воображаемый лес, вернулась в дом. Там добрела до своей комнаты и рухнула на кровать.

Глава 7. Точное время не известно

Сон, готовый свалить меня с ног прямо на улице, теперь ко мне не спешил. Мне до сих пор хотелось пить, а голова была забита беспокойством о психическом здоровье. В итоге мне все же удалось ненадолго заснуть – нездоровым, прерывистым, мучительным сном. Однако, вопреки вчерашним опасениям, после пробуждения чувствовала я себя неплохо. Хмель то ли ушел «на сугрев» во время ночевки в сырой холодной комнате, то ли выветрился с перепугу. М-да уж... Много всего в моей жизни случилось, но чтобы допить до чертиков или белочек, а точнее, до пространственных галлюцинаций!.. Кажется, я уже никогда не стану прежней. Мне сейчас даже перед собой было стыдно.

Сунув ноги в уродливые войлочные ботинки со стоптанными задниками, я торопливо прошаркала к входной двери, чтобы поскорее рассеять ночное наваждение. Распахнув тяжелую дверь, я почти вывалилась на крыльцо и несколько минут просто глубоко дышала, втягивая ноздрями студеной осенний воздух. Пахло подмороженной травой, прелой листвой и дымком. Я блаженно закрыла глаза и пару минут стояла, почти не ощущая утреннего холода. На какие-то мгновения я даже ощутила себя счастливой оттого, что купила этот дом. Столько раз в мечтах я представляла себе момент, как с утра выхожу на порог своего дома и дышу свежестью. Но очень быстро промозглый воздух заполз под тонкий свитер, и мне стало неудобно. Я даже не подумала набросить куртку перед выходом. Только вот с какой радости я ее вообще сняла? Ведь мне пришлось спать в отсыревшем доме без отопления, и поэтому я легла в верхней одежде. А сейчас там было сухо и тепло. Как так?

Я открыла глаза и, не спускаясь с крыльца, осмотрелась. Грудь сдавило от безысходной тоски и фатальной уверенности в грядущей беде. Вокруг все так же стоял стеной лес, над ним низко свешивались серые, угрюмые тучи. Двор по-прежнему был густо засыпан ржавой листвой, но дорожка от крыльца до калитки была как будто недавно подметена. К влажной утоптанной земле прилипло лишь несколько свежих опавших листьев. За оградой тропинка продолжалась, тонкой, извилистой змейкой уходя в лес.

Я еще зачем-то постояла, безнадежно таращась на невозможное, и вернулась в дом. Только теперь я заметила, что внутри тоже все изменилось.

В избе было не просто тепло, а даже слегка жарковато, и ее наполнял едва заметный аромат горящих поленьев. Но и без этого дом стал почти неузнаваем. Здесь было чисто и довольно уютно, стены не выглядели обветшалыми, да и мебель как будто теперь стояла другая. Пройдя через крошечную прихожую, совмещенную с летней верандой, я шагнула в теплую часть избы и в растерянности застыла на пороге. Почти сразу у входа стояло что-то вроде бюро советских времен: уже довольно изношенного, но аккуратного, с открытой верхней полкой и двумя раздвижными дверками внизу. На его столешнице, укрытой оргстеклом, помимо старых блокнотов и ручек красовался старинный телефон: с бронзовым диском, двумя рогаемыми рычагами и причудливо изогнутой массивной трубкой, которая соединялась с деревянным корпусом закрученным в спираль шнуром.

Этого предмета старины вчера здесь точно не было. В каких бы мрачных раздумьях я ни бродила бы по дому, погружившись в горестные мысли, не обратить внимание на красивейшей антикварное изделие было невозможно. Я медленно подошла к бюро, ватной рукой сняла тяжелую трубку и от неожиданности чуть не уронила: из динамика доносилось ровное гудение. Телефон работал! Мне был знаком этот звук: я еще успела застать аналоговую связь домашней телефонной сети, пока ее полностью не вытеснила цифровая.

Дрожащей рукой я опустила трубку на рычаги и тяжело оперлась на столешницу. Только сейчас я услышала легкое потрескивание за спиной и, слегка повернув голову, скосила глаза на печь, яркую от свежей побелки. В очаге весело поблескивали язычки пламени, беспрестанно

перебегая по черным углям. И кто же ее затопил, пока я спала? И заодно прочистил дымоход? Мне вспомнилось, как пыхнуло вчера из печки, когда я бросила в очаг горящую бумажку.

«Значит, вы вошли, переставили мебель, поменяли тарелки... А куда вы дели мою люстру?!» – вдруг вспомнилась цитата из тысячу раз просмотренного фильма. Наверное, Женя из «Иронии судьбы» примерно так себя и ощущал. На полу в Ленинграде. Если следовать этой логике, то я каким-то образом перепутала дом? Возвращаясь с ночных посиделок у костра случайно забрела в чужое жилище? Ага, и там оказалось такое же невероятно странное устройство в сумрачной каморке, как и в старом бабушкином доме.

Какая-то мысль зудела и царапала, не давая мне покоя, но я не могла ее пока ухватить за хвост. Но связано это было точно с тем любопытным механизмом, в который я зачем-то полезла. Нет, ну а кто бы не полез, обнаружив у себя дома встроенную в пол панель управления, да еще и оформленную под стимпанк?

До меня вдруг дошло, что я не шибко тороплюсь домой, а ведь вчера решила, что с рассветом покину это место. Но во-первых, сейчас в доме было намного уютнее, чем вчера, а во-вторых, как мне его покинуть, если за ночь исчезла вся улица вместе с остальными домами, а единственная тропка ведет в глухой лес?

А с другой стороны, вдруг я сейчас без сознания валяюсь все на той же сырой и холодной кровати, надышавшись какой-нибудь дрянью. Может, тут плесень ядовитая или грибы уже от сырости особенные выросли, а я вдохнула их споры. И ведь никто не придет на помощь. Так и засну навсегда я на этой своей «даче мечты». Перспективка, конечно, вырисовывалась удручающая, но этим было проще всего объяснить происходящие странности. Других вариантов, в общем-то, и не было.

Зато, если я сплю и догадалась об этом, мне позволено было творить все, что угодно! Я так часто делала во сне. Каждый раз, осознав себя в сновидении, я принималась летать, прыгать с крыш, даже иногда колдовать получалось. Я попыталась повыше подпрыгнуть, чтобы зависнуть над полом, но вместо этого, тяжело приземлившись в неудобных войлочных ботинках на крашенный пол, чуть не подвернула ногу. Странные какие-то глюки, недружелюбный сервис.

Я отправилась бродить по избе, внимательно изучая каждую деталь. В отличие от той, где я заснула, эта была вполне себе жилая и ухоженная. Веселенькие стиранные занавесочки с кружевной каймой, вязаные крючком салфетки на деревянных подоконниках... Во второй комнате, побольше той, где было бюро с телефоном, стояла тех же времен широкая полированная тумба с черно-белым телевизором, украшенной белоснежной ажурной салфеткой. Ее треугольный край свисал на потухший экран. Я словно попала в какой-то очень старый фильм в деревенском антураже. Даже в доме у бабушки бывшего таких атрибутов уже не было. Да и печь там давно снесли и заменили на газовое отопление.

Я поймала себя на мысли, что мне страшно просыпаться. Здесь было так мило, уютно, душевно. Наверное, именно такой я и воображала свою дачу мечты, когда ввязалась в авантюру с покупкой гнилой рухляди. Может, поэтому мне и снился этот сон, который только уж очень смахивал на реальность. Все-таки точно грибы.

«А вдруг я попаданка?» – Я усмехнулась от забавной мысли. А что, очень популярный сегодня книжный жанр, как кто-то очнулся в другом времени, в другом мире и в чужом теле. Я читала несколько таких романов. Вот я, например, пришла в себя в теле деревенской женщины середины двадцатого века. Несмотря на всю странность ситуации, я даже хихикнула, и у меня капельку поднялось настроение. Хотя, конечно, это было несправедливо. Книжные попаданки чаще оказывались в теле принцесс или волшебниц. А я тогда почему очнулась в деревенской бабе?

В комнате с телевизором на стене висело большое, почерневшее по краям зеркало в громоздкой раме. Оно, похоже, осталось здесь не с советских времен, а еще с дореволюционных. Мне даже было боязно поначалу в него смотреться, очень уж оно напоминало зловещий атри-

бут из сериалов о призраках. Но я вроде никогда не страдала от суеверных страхов, поэтому наконец рискнула взглянуть на свое отражение и даже ощутила легкий укол разочарования. Кажется, я была готова увидеть себя в другой одежде, больше подходящей окружающей обстановке, а может, даже не себя. Но увы, я осталась в своем теле и своих шмотках. Из отражения на меня смотрела помятая, слегка опухшая, но я. Мои круглые серые глаза, чуть вздернутый нос, пухлые губы – верхняя слегка выдается над нижней, из-за этого меня подруга в институте дразнила нимфеткой. Прическа, правда, совершенно потеряла форму после вчерашних уличных посиделок и беспокойного сна. Темно-русые волосы слиплись и некрасиво сползли вдоль шеи. Стоило привести себя в порядок, хотя бы умыться и расчесаться. Некое подобие кухни я вчера обнаружила в холодной части дома, рядом с верандой. Там была ржавая раковина, по дну которой расползались черные, пушистые соцветия плесени. Из еще более ржавого крана с единственной ручкой при открытии потекла тонюсенькая струйка воды и почти сразу иссякла. На крошечном столике, застеленном грязной, изрезанной клеенкой, стояла походная плитка с одной конфоркой. Ее работоспособность я проверять не стала.

В этой «параллельной реальности» подвесной умывальник и мойка находились в той же комнате, что и печь, рядом стояла большая бочка с водой. Я подергала рычажок: в умывальнике тоже что-то оставалось. Торопливо, чтобы не расходовать много воды, я освежила лицо и стала искать расческу. Рюкзак с документами, косметикой и прочим я вчера оставила на старой табуретке при входе. Но сейчас вместо табуретки там располагалось бюро с телефоном. А где же тогда мои вещи?!

Я принялась судорожно обшаривать полку бюро, двигала туда-сюда дверки, в надежде, что чудесным образом рюкзак «переместился» вместе со мной и теперь пространственно находится на том же месте. Увы, моих вещей нигде не было. Я пробежалась по дому, уже не обращая внимание на его уют и чистоту. Со спинки кровати, на которой я спала, свешивалась скомканная куртка: видимо, я согрелась во сне, разделась и отпихнула ее в ноги. Кроссовки обнаружились, раскиданные в разные стороны под кроватью. Я припомнила, как ночью, попыталась их надеть, но не нашла и пошлепала в одних носках к выходу, а на выходе уже нашла эти страшные ботинки «прощай, молодость» и за неимением лучшего нацепила их.

Ох, как все было не похоже на сон. Слишком много подробностей, слишком много последовательных и понятных действий, хоть и логика самого этого «перемещения» отсутствовала напрочь. Хотя не зря говорят, что надо всегда искать самый очевидный, простой ответ. Он и будет верным. Принцип бритвы оккама. Если это не галлюцинации, то виноват тот самый механизм из каморки. Я там вчера столько всего наворотила! Конечно, это самый простой ответ. Что, как не старинный механизм способен перебросить человека в прошлое?! Хотя даже само расположение этого сложного устройства, состоящего из шестеренок, деталей непонятного предназначения и циферок под выпуклыми стеклами в полуразваленном доме старенькой бабушки уже казалось бредом.

В голове словно лампочка вспыхнула от озарившей меня идеи. Я побежала в сторону, где по моим представлениям должна была находиться каморка с механизмом. Если, конечно, она «переместилась» вместе с домом.

Загадочное устройство находилось на своем месте. Причем мне показалось, что оно, в отличие от остальных предметов в этом доме, совершенно не изменилось. Не то чтобы я наизусть выучила расположение всех этих странных деталей, но тем не менее, выглядело все совершенно так же, как вчера. Две вещи, которые остались прежними: я и механизм. Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, чувствуя, как начинает неприятно трепетать сердце. Еще не хватало мне тут паническую атаку словить. Посреди незнакомого леса, в полном безлюдье. Если честно, я никогда с этим сама не сталкивалась, но сейчас мне показалось, что именно так этот приступ и начинается.

Я только сейчас разобрала, что весь дом еле слышно тикает. Видимо, уже настолько прислушалась, что перестала различать этот звук. Он органично вписывался в обстановку. Казалось, это просто часы, но только звук исходил от самих стен. Но, судя по тому, что дом на воздух не взлетел, это хотя бы была не бомба. Покачивая головой, я вышла из комнатухи.

И что мне было теперь делать? Попробовать куда-нибудь добраться?

Представив, как тащусь одна-одинешенька, без вещей, в чернеющий проем незнакомого леса, я поежилась. Но вдруг вспомнила про гудок в телефоне и чуть ли не вприпрыжку вернулась в «печную комнату», как я ее для себя окрестила. Рядом с телефоном лежала записная книжка в кожаной обложке с тиснением, правда, мне так и не удалось разобрать, что за буквы или цифры на ней выдавлены. Погладив кожаный переплет, я перевела глаза на лист бумаги под оргстеклом, неровно оборванный с одного края. На нем в столбик неровными, скачущими буквами было выписано несколько имен и слов, некоторые с ошибками.

«Кузьминишна, Семеновна, Никитишна...»

Беззвучно шевеля губами, я пыталась разобрать старческий почерк.

«Знахорь, золотарь, леса повал... Зара (жгёт сахар)».

Возле каждого слова или имени было выведено четырехзначное число. Список был похож на внутренние номера офисных сотрудников или служб. Неужели правда телефоны?

Мобильный остался в «старом» доме, но можно же было позвонить по городскому! Дико, что мне сразу не пришло это в голову. Видимо, его внешний вид заморочил мне голову, и я даже не подумала, что это обычный телефон, пусть и очень старый. Правда, я почти не помнила ничьих номеров. Зачем, если все хранится в мобильном? Действительно, смартфоны же никогда не ломаются и мы их не теряем!

Долго рывшись в памяти, я смогла воскресить в голове единственный номер – своей старинной подруги, с которой мы уже почти сто лет не созванивались и даже не списывались. Мы сим-карты покупали вместе, поэтому номера были похожи, так я его и запомнила. Что только я ей скажу, когда дозвонюсь? А какая разница, попытка не пытка. Хотя смогу убедиться, что никакая я не попаданка.

Криво усмехнувшись, я поднесла к уху трубку и принялась вертеть диск. Из динамика при каждом повороте раздавался непривычный стрекот. После набора четвертой цифры в телефоне что-то щелкнуло, и из трубки донеслись частые гудки.

Я озадаченно повесила трубку, а затем сразу хлопнула себя по лбу: ну конечно! После набранной восьмерки раньше требовалось тоже дожидаться гудка. Усмехнувшись, я снова схватилась за телефон, но после восьмерки он не издал никаких звуков. Набрав после нее код мобильного оператора, я с досадой снова услышала частые гудки. Тогда я принялась звонить на все знакомые номера городских служб: сто двенадцать, сто два, сто три. Даже 911 накрутила зачем-то, но после трех цифр старинная трубка лишь тихонько шипела. Наконец я, уже ни на что не надеясь, набрала 100 – номер, который с давних пор и по сей день использовали для проверки времени.

К моему изумлению динамик щелкнул, пшикнул, а затем хорошо поставленный женский голос с расстановкой произнес:

– Точное время... не известно.

После этого снова раздался сигнал «занято». Скрипнув зубами, я легонько стукнула по рычагам и со вздохом набрала первый номер из бабушкиного списка.

Глава 8. Ульяна с Шишкина, 19

Четыре трескучих поворота диска – и в трубке раздались долгожданные длинные гудки, означавшие, что я дозвонилась. Я хмыкнула и пожала плечами. Мало ли, может, в этом поселении у них какая-то местечковая телефонная станция, и сообщение происходит не через город. Я не очень хорошо представляла себе эту систему, но раз в офисе так делают, может, и в маленьком поселке тоже?

Я ждала с замиранием сердца. Гудки все шли, но мне никто не отвечал. Со вздохом сбросив вызов, я набрала следующие четыре цифры. Гудки повторились, но в этот раз что-то в трубке щелкнуло, и я услышала далекое, приглушенное «алло». Кажется, я не особо на это надеялась и в растерянности продолжала тупо молчать в ответ. Кто-то откашлялся, зачем-то несколько раз дунул в трубку и недовольным старческим голосом повторил:

– Алло, алло? Говорите.

– Алло. Это Семеновна? – Я аж зажмурилась, так нелепо это прозвучало.

– Она самая. А кто спрашивает? – поинтересовалась трубка.

– Меня зовут Ульяна. Я тут, кажется, заблудилась...

На том конце провода помолчали. Мне представилось, как древняя старушка задумчиво жует беззубым ртом, но невидимая собеседница неожиданно бодро и четко произнесла:

– А ты случайно... кхм, хм... не с Шишкина, девятнадцать?

– Да. С Шишкина, девятнадцать, – с удивлением подтвердила я. Мне показалось странным, что при этой необъяснимой деформации пространства у дома сохранился тот же адрес, что и у купленной мною рухляди. Какая, собственно, улица Шишкина, если тут улицы нет в принципе, и изба стоит посреди леса одна-одинешенька. Откуда у нее взялся номер девятнадцать?

– Хм, очень странно, – проворчала тем временем Семеновна. – Какая Ульяна? Не слышали про Ульяну. Вообще никого не ждали туда.

Повисла пауза, и я снова не смогла отделаться от видения жующей губами бабульки. Наконец Семеновна снова заговорила.

– Уже жечь собирались. – Слова прозвучали неприятно. Что жечь? – Или хотя бы переставить... Ладно, что уж. Ты давай, не сиди там, иди по тропинке, не бойся, не перепутаешь.

– А где я?

– Да сложно объяснить. Вот придеешь, тогда и будем разбираться.

Как бы абсурдно ни выглядело все происходящее, старческий голос, с уверенностью вещающий о том, что все будет нормально и мы во всем разберемся, вызывал спокойствие. Даже волноваться не хотелось. Словно кто-то хорошо знал, что происходит, а мне оставалось лишь слушать... ну, и слушаться.

Я на всякий случай ущипнула себе посильнее пару раз, чтобы удостовериться, что все же не сплю. Вышло даже чересчур больно.

А вот что вообще должен в такой ситуации думать человек, особенно если он материалист и не верит в потусторонние силы. Можно ли хоть как-то логично объяснить происходящее, если не брать в расчет действие странных грибов? Тем более, что никогда о подобных случаях я не слышала, чтобы кто-то до такого состояния чем-то надышался в старом деревенском доме. Тогда что? Сдвинулись пласты земной коры, поэтому так близко к дому переместился лес, а улица «уехала» в неизвестном направлении? А вследствие чего это могло произойти, да еще за одну ночь?

Да ну, полный бред. Я тряхнула головой, отгоняя предположения в слишком недоступной для моего понимания сфере.

Оставались лишь галлюцинации. Но обычно во сне, пусть и нездоровом, ты всегда либо принимаешь происходящее за реальность, либо понимаешь, что это сон, и пытаешься его под себя подстроить. А здесь я четко видела несоответствие реального и должного. Может, я вообще умерла? Вдруг такси занесло на мокром шоссе, и мы с водителем разбились где-нибудь по пути? Я просто не доехала до своего дома, а он, возможно, был не такой уродливый и старый, и фотографии в агентстве не ввали. Просто разве может быть что-то хорошее и красивое в смерти? Тогда почему изба потом вдруг стала уютной и теплой?

Ладно, в конце концов я только что говорила с местной жительницей, а может быть, с неким потусторонним проводником на тот свет. Пожилая женщина сказала, что меня здесь не ждали и что будут разбираться. Значит, надо идти. К чему-нибудь да выведет. Вдруг, раз на том свете меня не ждали, я просто возьму и очнусь?

Я выковыряла из-под кровати закатившиеся туда кроссовки, обулась, надела куртку и отправилась к Семеновне. Мне изначально не показалось: вблизи лес и в самом деле был глухой и мрачный, словно кто-то намеренно создавал его в лучших традициях этнических фильмов ужасов или триллеров про заброшенные дома, из которых мало выбраться, еще надо на дорогу как-то выйти. Узенькая тропка, пересекающая предлесье, быстро кончилась, и я ступила под угрюмую сень деревьев. Здесь дорожка была обильно устелена еловыми и сосновыми иглами, и во влажном воздухе стоял густой хвойный аромат. Подумав о том, как наслаждалась бы сейчас лесными запахами, если бы не вся эта фантазмагория, я углубилась в лес, который с каждым моим шагом будто становился чернее и недружелюбнее. Кривые, мохнатые ели то и дело преграждали дорогу длинными лапами и извитыми, вздыбленными корнями, то тут, то там пересекающими тропинку. Но она не терялась, была хорошо видна и даже иглами усыпана словно нарочно, чтобы невозможно было сбиться с пути. Как будто ковровую дорожку для меня постелили, но не парадную красную, а темно-ржавую.

Идти было страшно. Медленно ступая по пружинистой хвое, я криво усмехнулась. Мне всегда мечталось прогуляться по ночному лесу. Чернильная тьма, таящаяся в зарослях, манила меня, когда я смотрела на лес издалека: с общего балкона или с узеньких улиц, пересекающих частный сектор. В реальности – если это, конечно, вообще была реальность – все сильно отличалось от рождавшихся в уютной безопасности грез и мечтаний.

Так я пробиралась по лесу минут десять-пятнадцать, испуганно озираясь и дергаясь из-за каждого шороха или треска. Особенно сильно меня встревожило резкое гортанное карканье одинокой вороны где-то над головой. Я замерла на месте, ощущая как разгоняется в груди взволнованное сердце, а птица, шумно похлопав крыльями, улетела. В этот момент вокруг стало как будто светлее. Задрав голову, я разглядела пробивающееся из-за туч тусклое осеннее солнышко. А потом впереди появился просвет между деревьями: кажется, это был выход из леса. С облегчением вздохнув и осмелев, я прибавила шагу и вскоре действительно вышла на открытое пространство.

Я стояла на небольшой возвышенности. Тропинка, что вывела меня из леса, сбегала по пологому склону к скромных размеров деревушке. Сверху было хорошо видно невысокие домики с разноцветными крышами. Несколько из них располагались поодаль от остальных, но в основном избы теснились кучкой, как грибная семейка. За деревней простирались поля, расчерченные на неровные квадраты и прямоугольники и напоминавшие абстрактную мозаику в желто-коричневых тонах. Где-то земля была перепажана, на отдельных участках оставалось жнивье. Я стала спускаться. Раз Семеновна сказала, что с пути я точно не сойбьюсь, значит, идти нужно было именно в деревню.

Довольно быстро я дошагала до деревушки и принялась искать адрес, который мне назвала Семеновна. И вот тут я окончательно запуталась. Здесь не было улиц в привычном понимании этого слова. Да, на каждом домике имелся его номер, но рядом было написано

название улицы, или проезда, или даже проспекта – и они абсолютно все разнились. Зато номера в нескольких местах совпадали!

Я в полной растерянности проследовала мимо домика по адресу: Проспект Мира, 244. За ним находился Вербный переулок, 26. На следующей избе было написано: улица Заповедная, а дом почему-то тоже был под номером двадцать шесть. Мало того, на табличке еще был указан номер квартиры! Миновав еще несколько таких непонятных адресов, я остановилась и стала беспомощно озираться. Как здесь можно найти нужный дом, если нет совершенно никакой системы?! Кому в голову пришло вот так от балды распределять адреса? По спине прополз холодок: Что, если мое дикое предположение о загробном мире вовсе не дикое? Это вполне могло объяснить отсутствие логики и порядка: по какому адресу помер, по тому теперь здесь и числишься. Значит, я не разбилась на шоссе, а все-таки доехала до своей дачи и только там отбросила копыта? Интересно, а от чего?

Кроме бестолковой нумерации здесь больше ничего не отличалось от обычной небольшой деревни. Как и везде, тут были домики попроще и побогаче, одноэтажные с треугольным чердаком и двухэтажные, деревянные и каменные. Перед каждым был дворик, окруженный забором: где-то глухим частоколом, где-то почти символически прибитым редким штакетником: почти, как на моей даче. Чей-то высокий забор был полностью оплетен многолетним вьюнком. В приоткрытую калитку следующего дома я увидела дородную женщину в телогрейке и резиновых сапогах, с повязанной, как у доярки, косынкой в цветочек. Согнувшись почти пополам, она возилась возле пышных кустов с пионами, то ли подвязывая их на зиму, то ли подрезая. Обычные осенние хлопоты на участке.

– Эй, ты потерялась, что ли? – раздался над самым ухом довольно приятный молодой мужской голос, и я от неожиданности чуть не подпрыгнула. В двух шагах от меня стоял невысокий тощий паренек с волосами цвета воронова крыла, явно крашеными, и подведенными черным карандашом хитрыми глазами. Одет он был в косуху, джинсы и казаки – все тоже черного цвета, разумеется – и вертел на указательном пальце то ли цепочку, то ли четки. При этом он разглядывал меня с высокомерным любопытством, и я вспомнила, что вместо того, чтобы по-человечески причесаться, мне пришлось перед выходом взлохматить слипшиеся волосы пальцами, а это мало помогло. Косметика тоже осталась в исчезнувшем рюкзаке, так что... Довольно глупые мысли, если допустить, что я с сегодняшнего дня покойница.

– Мне нужен дом тридцать пять по улице Набережной, – пробормотала я, в очередной раз удивившись, причем тут набережная, если поблизости не было водоема, и, спохватившись, добавила: – Здравствуйте.

– Привет. Это тут рядом, пойдем покажу, – лениво махнул мне парень и, не прекращая накручивать на палец цепочку, направился вдоль ряда домов.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Язык чесался забросать его кучей вопросов, но я решила придержать их до встречи с Семеновной, у жилища которой мы оказались минуты через три. Это была простенькая, но добротно сколоченная бревенчатая изба с резными наличниками на окнах и крыльцом в три ступени. Справа от входа располагалась открытая веранда, густо увитая разноцветным по осени вьюнком.

– Вот, тебе сюда, – сказал парнишка, останавливаясь у калитки и шуря на меня подкрашенные карие глаза. Но вдруг он замер и, вперив в одну точку остекленевший взгляд, забормотал монотонной скороговоркой: – Вижу, вижу ковер на стене, старый, узорчатый, молью изъеденный, обои лоснятся, паркетная доска поцарапанная, газовая колонка, кран протекает, плоский, страшный, пятно ржавое, длинное...

После странных слов парень резко вышел из оцепенения, и к нему вернулся его первоначальный нагловатый вид. Он чему-то усмехнулся и, не попрощавшись, удалился вверх по улице расхлябанной походкой. Я почти сразу потеряла его из виду: наверное, свернул в переулок.

«Местный наркоша...» – с неприязнью подумала я, затем в раздумьях поднялась на крыльцо, подолгу задерживаясь на каждой ступени, и постучала в массивную дверь.

– Входи, открыто! – крикнули из глубины дома, и мне показалось, что это не Семеновна. Голос был более резкий и низкий. Я пошла на зов и услышала, как в дальней комнате кто-то негромко переговаривается. На весь дом разносился запах свежее испеченных пирогов. Потоптавшись на пороге комнаты, я сделала робкий шаг внутрь и увидела за круглым столиком, расположенным посреди комнаты, трех пожилых женщин. Одна, одетая в стеганный цветастый халат, вязала шаль из пушистых ниток. Вторая, в растянутом коричневом свитере, с сердитым лицом раскладывала пасьянс, а третья, в жилетке из плешивой овчины, просто сидела, подперев рукой щеку. Обстановка напоминала ту, что царила и в моем доме: занавесочки, салфетки где надо и не надо, лубочные картинки в рамках на стенах, лоскутное покрывало на узкой кровати у стены и гора подушек мал мала меньше в изголовье.

– Ты, что ли, Ульяна? – спросила сердитая, не отрываясь от карт и лишь бросив на меня короткий взгляд из-под курчавых седых бровей.

Я подумала, не уместно ли представиться как «Алексевна», вдруг у них так было принято, но тут же вспомнила, что в бабушкиных записях числилась и какая-то Зара, которая «жгёт сахар», значит, имена тоже были в ходу.

– Да, я Ульяна, – кивнула я.

– Не слышали про такую. Что-то тут неладно, – скривившись, произнесла сердитая.

– Да может, наследница, – возразила ей вязальщица, и я узнала голос Семеновны. Сердитая с сомнением покачала головой.

– Нет у нее наследниц, говорю тебе!

– Значит, нашлась, – упрямо ответила Семеновна и даже отложила вязание. – Ну что ты, Кузьминична, в самом деле?

– Радоваться надо, не пропадет место, – негромко пробормотала третья, без стеснения меня разглядывая. Особой радости, правда, в ее голосе я не услышала. Да и взгляд был скептический.

– Да и не пропало бы, – буркнула Кузьминична. – Но хоть двигать не придется. Ненавижу двигать, стара я уже для этого.

Мне стало не по себе. Что они там двигать собрались? Мой дом? Одна сжечь хотела, вторая двигать. Может, это они и виноваты, передвинули все, и теперь я не понятно где нахожусь. Бабульки продолжали незлобно переругиваться, будто не замечая, что я стою совсем рядом и все слышу.

– Эй, вообще-то я здесь, – наконец не выдержала я.

– Да здесь-то ты здесь. А нужна ли ты тут – вот вопрос, – ядовито ответила Кузьминична, и я порадовалась, что не дозвонилась ей первой. Я же сначала ее номер набрала. Чувствую, послала бы она меня далеко и надолго, и хорошо, если еще цензурно. – Вот же бабка оголтелая, так помереть спешила, что не смогла даже дела передать...

– Ну, ну, ты ж знаешь же ее историю с дочкой, – осадила ее третья, предположительно, Никитична. – Кому ей было что передавать?

Кузьминична закончила раскладывать пасьянс, с удовлетворением ухмыльнулась – видимо, расклад сошелся – и сложила карты в стопочку.

– Как ты в дом Ильиничны-то попала? – спросила она, и я даже вздрогнула от неожиданности, настроившись на то, что так и останусь стоять в дверях, как молчаливый предмет интерьера, мнения которого никто не спрашивает.

Я недоуменно поморгала, а затем вспомнила, что когда подписывала документы, владельцем недвижимости значилась Новелла Ильинична, а дом продавали по доверенности. Эх, все-таки надо было представиться Алексевной.

– Купила, – буркнула я.

– Ну вот, теперь все ясно, – развела руками Семеновна и снова подтянула к себе пряжу.

Я оперлась на дверной косяк. К моему удивлению, меня даже слегка стал забавлять этот разговор. Вот уж попала так попала. Вчера сидела на сыром крыльце, слезами умывалась оттого, какую нелепую сделку совершила, а сегодня уже с соседками познакомилась, да еще такими колоритными. Соседки в это время продолжали препираться.

– Да ничего не ясно! – с этими словами Кузьминична тяжело поднялась и, переваливаясь, как утка, проковыляла через всю комнату к высокому старомодному буфету. Спина ее была обмотана пуховым платком. Выдвинув узкий ящик с резным фасадом, она положила туда колоду игральных карт и выудила другую пачку, крупнее и значительно толще.

«Таро?» – удивилась я. Мне становилось все интереснее. Кузьминична, опершись низким широким задом на столешницу буфета, принялась ловко тасовать карты. Яркие картинки с необычайной скоростью мелькали в ее пальцах.

– А сюда-то как ее занесло? – спросила она, мотнув крашеной рыжеволосой головой в мою сторону, и наконец обратилась непосредственно ко мне: – Неужели Ильинична записи оставила?

– Если честно, я понятия не имею. Мне вообще порой кажется, я сплю, – призналась я.

– М-м, – промычала Кузьминична и вернулась на место, и все они втроем снова принялись обсуждать меня и мою судьбу.

Мне тем временем уже стало невыносимо жарко: я до сих пор стояла в верхней одежде, а дом был хорошо протоплен, правда, печку я не видела. Я бросила куртку на кровать и сама довольно бесцеремонно уселась с краю. Вернее, мне-то вначале не казалось, что это выглядело бесцеремонно, но бабульки, обернувшись, так пораженно на меня все втроем воззрились, что я ощутила некоторую неловкость.

А старушенции, какое-то время еще смущали меня осуждающими взглядами, а затем, пригнувшись над столиком, стали очень тихо переговариваться. Мне даже пришлось прислушаться, но я мало что разобрала. Лишь померещилось слово «портал», и я бы усомнилась, что верно услышала, потому что из уст этих женщин оно звучало более чем странно, но бабки произнесли его несколько раз и с большим знанием дела. Из обрывков разговора, долетевших до меня, я поняла, что раз я сама дотыкалась, значит дар есть, просто это очень странная и редкая случайность. Портал бы не открылся ненужному.

Я сидела и размышляла, что все происходящее – оксюморон и что таких реальных осязаемых снов за все двадцать восемь лет у меня не было. И ведь вроде не имелось шизофреников ни в одном поколении, и вообще родословная на редкость гладкая да скучная. Ну вон бабульки не зря ж удивляются, как такая простота вроде меня да смогла открыть портал. А порталом, видимо, они называли ту железную ерундовину, – осенило меня. Долго же доходило. А что, в общую картину вполне вписывается. Я же там перед сном что-то покрутила, открыла портал, и вот – пожалуйста, я в другой реальности. Красота! И дар еще у меня.

Кажется, насчет дара они уже обращались ко мне. Я встрепенулась и заметила три пары строгих глаз, вперившихся в меня.

– И что это значит?

– А то, что у тебя есть дар. Особенный. Так сказать, магический.

– У нас у всех есть. Не верти головой и не пучь глаза, – многословно принялась увещевать меня Семеновна. – Есть дар, иначе бы ты сюда не проникла. Никто его сразу открыть не может. Все ищут. Вот и тебе предстоит. Ну, если пожелаешь. А если не пожелаешь, лучше сожги ту избу с наружной стороны, от греха подальше. Или мы сами подпалим. Уж мы-то попробуемся, не волнуясь.

– Да ладно, шо избу палить! – Никитична хлопнула по столу пухлой ладошкой. – Пушай механизму сожгёт!

– Как она тебе ее сожжет? – огрызнулась сердитая Кузьминична. – Она железная. Деревяшки прогорят, а портал останется, заходи, кто хочет, бери, кто хочет, совсем уже, что ли?

– Бабушки, милые, дом я точно палить не стану, – объявила я. – Он мне достался потом и кровью и дорог как память. Ну и финансово дорог тоже.

Я и забыла, что еще вчера ненавидела эту избу вместе со всем ее содержимым и даже грешным делом прикидывала, а не стоит ли ее застраховать, а потом и правда поджечь. Но об этом я мечтала на костре, а я была там не совсем в здравом уме.

– А дар искать будешь? – грозно и строго спросила Кузьминична.

– Поищу. Самой интересно. Если подскажете, как. – И вдруг я вспомнила главный вопрос: – А мне что, теперь тут жить предстоит?

Бабки переглянулись и захихикали.

– Да нет, конечно, родная, – сказала Никитична. – Ты в каком часу механизму крутила?

Я наморщила лоб, припоминая.

– Вчера перед сном. Где-то около полуночи, наверное.

– Ну вот сегодня в это же время тебе надо будет находиться в комнате, где ночевала. Там, значит, по умолчанию запрогро... загромировано...установлено на сутки, оно само все отщелкнется и тебя вернет. Ты циферки ж видела, наверное. А как сюда вернуться, мы расскажем. А ты еще записи, записи поищи у Ильиничны.

– Там, где я телефонные номера нашла? – Я вспомнила про красивый блокнот.

– И там тоже, но главное, в своем доме. В том самом, что купила. Если она что-то оставила, то точно где-то там спрятала, для наследников. Потому что самостоятельно накрутить и сразу правильно портал запустить – это случай-то уникальный. Там целая система!

«Вот это я вчера точно в измененном сознании действовала», – поразила я и вдруг с тревогой поняла, что эту ночь мне все же как-то придется провести в своей полуразваленной избе. Или срочно научиться работать с «механизмой», чтобы выставить удобное время возвращения.

Глава 9. Доказательство

Обратный путь через лес уже не показался мне опасным или тревожным. Даже еловые лапы не преграждали путь и не пытались стащить с меня куртку, а корни не хватали за ноги. Дорога домой – а точнее, в условный дом «внутри» – оказалась всего лишь маленькой лесной прогулкой, потому что мысли теперь занимали странные и невероятные вещи.

Мои новые знакомые уделили мне не так много времени, но все же провели коротенький ликбез. А ведь я со своими безумными домыслами не так далеко ушла от правды! Адреса, указанные на домах, действительно совпадали с теми, что находились в обычном мире. Семеновна сказала про него «снаружи». Только эти дома являлись не конечной точкой земного путешествия, а местами расположения механизмов, открывающих порталы. Принципа их работы бабушки мне объяснять не стали. Может, не захотели, но думаю, попросту не смогли, отделавшись общей фразой:

– Ну надо ж нам, особо одаренным, где-то собираться? Если мы по всему миру распишаны. Не наездишься, не налетаешься, и денег на межгород не хватит.

Я что-то робко пробормотала про конференцию в Zoom, отчего Никитична затрясла головой и забормотала что-то вроде:

– Вот-вот, говорят, зумеры еще какие-то появились, ничего в этом мире не смыслят, лезут везде, опыта никакого жизненного, а советовать пытаются. А яйца, между прочим, курицу не учат.

Я решила не спорить. Тем более, что учить тут и правда надо было только меня. Хотя бабки объявили, что научить ничему меня они не могут, и способности свои я распознать должна сама, а развивать их буду по наитию. Нет, мол, для этих премудростей ни учебников, ни программы.

То есть мне предстояло вынырнуть из абсолютно материального мира собственных убеждений и без чьей либо помощи погрузиться в этот чудный мир сверхъестественного, при этом каким-то волшебным образом понять, что же я такого умею творить необычного. А если у меня ничего не выйдет (ведь, по мнению той же Кузьминичны, я попала к ним случайно), то домику моему придет конец. Кажется, все-таки стоило его застраховать, а то ведь вылезут бабульки через эту железяку с шестеренками, пока меня не будет, и точно что-нибудь с ним сделают. Только какая страховая вообще выдаст мне полис на эту рухлядь? Может, и правда, пусть лучше его снесут с лица земли. А я когда-нибудь там что-то построю. А может, просто продам этот клочок земли соседям, чтобы они расширили свою территорию.

С унылым вздохом я вспомнила, что Ильинична в завещании наказала, чтобы участок ни в коем случае не достался хозяевам соседних домов.

С головой, полной организационных вопросов, я и пересекла перелесок, отделяющий мой дом от деревеньки. И только выйдя на открытое пространство, откуда хорошо было видно мой угрюмый дом, задумалась, а почему, собственно, дом Ильиничны находился на отшибе? Если это деревенька, где живут маги, почему "моя" бабушка жила отдельно?

Понятно, что чем больше я буду углубляться в эту тему, тем сильнее будет расти количество вопросов. Зато один из них уже разрешился, а заодно я перестала в негативном ключе думать о незнакомом человеке, о котором сходу сделала ошибочные выводы. Дело касалось парнишки, который указал мне дорогу к дому Семеновны.

– А что это за странный парень, весь в черном, бормочет ересь какую-то? Из этих, что ли? – заговорщицким тоном спросила я во время «ликбеза», почему-то ожидая, что бабульки обрадуются возможности посудачить и начнут наперебой поддакивать: «Ох, да вот наркоман это здешний, такой-сякой, эдакий-разэдакий. Вырядился не пойми во что, да еще глаза нама-левал, аж мысли лезут непотребные. Держись от него подальше!»

Вместо этого Семеновна, приспустив на нос очки и с укоризной глядя на меня, спросила с нотками яда в голосе:

– Из каких, из этих?

– Ну... – Я осеклась и, криво улыбнувшись, пробормотала: – Может, он гот?

– Не знаю, что за гот такой. А Иоська наш – колдун. Что же в этом странного? – холодно ответила Никитична и пожала плечами с таким видом, будто колдуны толпами ходят по обычным улицам и все, разумеется в черном и с подведенными глазами. И ерунду себе под нос бубнят. Действительно, как я сразу не поняла? Теперь все встало на свои места!

– А что он бормотал? – вдруг оживилась Семеновна. – Вдруг, важное что?

– Да не помню уже! – оторопела я. – Я ж думала, он бредит. Что-то про ковер, кажется.

– Ты знаешь магию, связанную с ковром? – спросила Семеновна у Кузьминичны, но та покачала головой. В течение нашего разговора она все раскладывала таро, вытаскивала из середины колоды, меняла местами, вглядывалась пристально в картинки и периодически досадливо цокала языком.

– Старик Хоттабыч, – хихикая в ладошку, прошептала Никитична. – Джинн!

– И тут ничего не понимаю, – посетовала Кузьминична, нервным жестом отодвинув карты, собранные в неровную стопку. Глянцевые картинки тут же рассыпались, поблескивая под абажуром. В неярком свете лампы весело сверкнули зубы у черепа на карте с подписью «Смерть». – Ни одной подсказки. В следующий раз Зару надо будет позвать, может, она что увидит в янтаре своем. Ну и самой подумать придется. Без твоего желания и усердия ничего не выйдет.

– Ладно, Уля-Ульяна, – подытожила внезапно Семеновна. – Ты, пожалуй, ступай уже к себе. Поразмыслишь обо всем в спокойной обстановке. А у нас без тебя тоже дела имеются.

Я, честно признаться, даже приуныла. Возвращаться в пустой, пусть и уютный, дом пока не хотелось. Вопросы набегали волнами, я их пока не могла рассортировать в голове, чтобы грамотно и последовательно поспрашивать.

– Мне же там до ночи теперь придется ждать? – расстроено спросила я. – А здесь как-то еду можно раздобыть или тут не едят?

Кузьминична хрипло засмеялась, снова собирая карты в стопку и, как будто невзначай, поглаживая пальцем Смерть по блестящей черепушке.

– Едят, едят, – успокоила меня она. – Ты в холодильник загляни дома, там у Ильиничны в холодильнике всегда что-то хранится.

– Простите, это еще с тех пор? – деланно закашлялась я. – Она вроде уже не один месяц, как умерла...

– Да следили ж за домом, милая, – улыбулась Семеновна. – Пока еще надежду не теряли, ждали что хоть кто-то объявится. И прибирались, и продукты обновляли. Так что найдешь, чем поживиться. Иди, иди себе. Хотя, что же это я? На вот тебе с собой... – С этими словами она поднялась и, чуть прихрамывая, вышла из комнаты, а минуты через три вернулась и сунула мне в руки теплый бумажный кулек, из которого умопомрачительно пахло сдобой.

Поблагодарив ее и еле удержавшись от того, чтобы сразу не приняться за трапезу, я с неохотой натянула куртку и снова застряла в дверном проеме комнаты. Бабки выжидающе уставились на меня, а я – на них, потому что так и не придумала умного вопроса.

– А раньше мне никак домой... ну, туда... в наш мир не вернуться? – ляпнула я, лишь бы что-то сказать.

– Да туда еще успеешь! – возмутилась Никитична. – Сама ж сказала, что времени полно сейчас. Погуляй тут, осмотришься. Или вообще в лес сходи, да не тот, через который к нам шла, а который за домом твоим, там сейчас грибы поперли, мешками можно собирать.

От слова «грибы» я чуть не приняла охотничью стойку. Именно об этом занятии я мечтала, наверное, больше всего, когда тосковала по собственному домику в деревне. За этим делом я могла забыть и о времени, и обо всех своих бедах и невзгодах.

– А мне их тут надо будет пожарить?

– Можешь тут, можешь с собой забрать. Все равно все не съешь за один раз, – удивилась Кузьминична, чему-то усмехаясь.

– И что, эти грибы там, с наружной стороны, тоже есть можно?

Старушки переглянулись.

– А почему нет-то? Ты же в том же самом виде туда-сюда переходишь, вон живехонька, и руки-ноги на месте, а грибы с чего вдруг несъедобными станут?

– Ну это же местные грибы, – проямлила я. – Отсюдашные.

Бабки разом заржали на три голоса. Кузьминична – все тем же хриплым баском, Никитична – беззвучно, с легким присвистом, а Семеновна тоненько, залихватски захихикала.

– Ага, и дожди тут кислотные, и воздух токсичный, – вытирая слезу с морщинистой щеки, сквозь смех еле выдавила Никитична. – Можно их есть, можно, не волнуйся, милая. И тут, и снаружи.

– Ладно, спасибо вам. Пойду я, правда, – наконец я соизволила откланяться. – Голова что-то разболелась.

– Так еще бы, – сочувственно покачала головой Семеновна. – Столько всего сразу навалилось. Тебя ж, бедную, к такому не готовили. Была бы ты дочкой или внучкой Ильиничны, она бы тебе потихоньку все заранее рассказала. Ты у нее поищи там в буфете травки какие-нибудь, они все подписаны, может, найдешь от головной боли.

Я хотела отмахнуться, что у меня есть ибупрофен, и тут же вспомнила, что сумка осталась «снаружи».

– Иди, иди уже, – ласково проворчала Семеновна и хитро подмигнула. – Дай посплетничать!

* * *

«Волшебные» травки не понадобились. Пока я шла через лесок, уплетая на ходу пирожки с мясом, головная боль отступила. Видимо, виновата была не информация, а всего лишь голод да еще духота: бабушки любили погреть косточки.

По пути я все хлопала по карману куртки, проверяя на месте ли инструкция, которую на двойном тетрадном листе в клеточку мне кое-как начертила Кузьминична. Бумага отсыпалась легким хрустом. Как я поняла, перейти в наружный мир я могла через сутки после «завода» механизма, поэтому мне и предстояло валандаться здесь до позднего вечера. Портал открывался при запуске на небольшой промежуток времени, а затем на такое же время – перед отключением таймера. Чтобы снова вернуться сюда, во внутренний мир, необходимо было опять его завести, для этого мне и нарисовали малопонятную схему. Точнее, пока Кузьминична комментировала, что и куда, водя артритным пальцем по рисунку, мне казалось все довольно простым. Когда же, не выдержав по пути, я остановилась посреди перелеска и развернула тетрадный лист, мне показалось, что я вижу все это в первый раз.

Я даже чуть не повернула назад, чтобы еще раз проконсультироваться с сердитой старушкой, но представила, как недовольна будет Кузьминична, да и остальные, явно уставшие от меня бабки, и пошагала дальше.

По словам бабушек, переход располагался где-то на месте двери в комнату, в которой я ночевала. Полусонная и, надо сказать, не особо трезвая, я накрутила чего-то в механизме, случайно открыв портал. А затем прошла через него и завалилась спать. А ведь даже успела немного удивиться, что как будто стало теплее и суше, но списала все на действие горячительного напитка. Оказывается, ступив в комнату, я уже была «внутри». К тому времени, как я

продрала глаза в первый раз и почти на ощупь отправилась в туалет, проход уже захлопнулся, и меня окружал другой мир.

Если бы я, заведя вчера ночью эти шестеренки, отправилась спать в соседнюю комнату, то скорее всего так бы ни о чем и не узнала, продрогла и продрыхла бы в сырой избе до утра, а утром убралась восвояси.

У меня довольно плохо это укладывалось в голове. Придя домой, я даже принялась рисовать, пытаясь представить на бумаге внутренний мир, наружный мир и момент, когда они соприкасаются. Вот тут голова действительно начала ныть.

Пока было важно одно: в момент открытия портала мне надо находиться в той комнате. Тогда я смогу выйти наружу – в свою сырую избу. Как в этом могли разобраться бабушки, я просто не представляла. Но видимо, они никогда не пытались вникнуть в технические детали процесса, а просто делали, что умели. Как им когда-то показали.

Было примерно часа два или три дня. На улице к тому времени уже совсем распогодилось. Из-за убежавших за край леса туч высунулось радостное осеннее солнышко и щедро поливало землю расплавленным золотом. В его лучах даже угрюмый лес повеселел, а пожухлые листья, устилавшие мой двор, будто ожили и зажглись яркими красками.

Сидеть дома и ждать открытия портала в такую пору казалось кошунственным. Я, пошарив в доме, нашла несколько плетеных корзин, выбрала среднюю по размеру и отправилась на задний двор: там в ограде была еще одна калитка, через которую можно было пройти напрямую к грибным местам, как сказали мне старушки.

Весело размахивая корзинкой, я широким шагом поспешила к лесу. Он даже с виду сильно отличался от мрачного перелеска: его обрамляла поросль молодых лиственных деревьев с оранжевыми и желтыми листьями, за ними золотилась березовая роща, а уже дальше прятались темно-зеленые ели и сосны. Густая, высокая трава, едва начинавшая блекнуть, мягко шуршала под ногами. Солнце пригревало, даже голову немного напекло. И я шла в куртке нараспашку.

Наверху, в кронах деревьев, тихонько переговаривались птицы, где-то высоко над головой пролетела стая, прочертив неровным острым треугольником небо.

– Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит... – в такт шагам декламировала я на ходу. – Лед неокрепший на речке студеной словно как тающий сахар лежит...

Меня окружала неимоверная мешанина вкуснейших осенних запахов. Кажется, я еще не встречала места чудеснее. Все ностальгические воспоминания о старой деревне были перекрыты новыми, яркими, бабье-летними сегодняшними. А ведь мечты все-таки сбываются. И пусть снаружи дом не совсем тот, о каком я мечтала. Даже совсем не тот. Он был ужасен! Но здесь!..

За возвращение сюда, за то, чтобы остаться, несомненно стоило побороться. Меня переполняли бодрые, позитивные мысли о том, что по возвращении домой я в лепешку расшибусь, но открою свои способности, позволяющие стать частью Внутреннего мира. С этим решительным настроем я шагнула в лес, и, как бы странно ни звучало, я даже немного обиделась на судьбу. Потому что моя «тихая охота» грозила закончиться уже через пять минут. Грибы не нужно было искать. Они словно выбежали мне навстречу и сидели каждый под своим кустом: по одиночке, или парочкой, или целой грибной компашкой. Я никогда не видела такого изобилия даже в Селигерских лесах, даже в санатории на Нарочи. Гордые, пузатые белые, благородные красноголовики, стройные подберезовики. Яркое семейство лисичек, пестрые сыроежки и мои любимые ароматные свинушки, которые почему-то считались несъедобными, но местные уж можно было есть.

Я ощутила слабость в ногах. У меня вдруг заняла переносица и защипало глаза – но только не от грусти или разочарования, а от умиления и благодарности. Вчера в это же время я стояла, уставившись на свой новый дом, полная мрачных дум. Осознавала обман, с помощью

которого мне всучили этот дом. Плакала. А сейчас находилась в одном из самых прекрасных моментов – из тех, что хочется продлить, замедлить или даже остановить. Наконец я немного успокоилась и осторожно, стараясь не наступить ни на один из даров леса, отправилась гулять под его сенью.

* * *

В избу я вернулась, когда солнце уже закатилось за лес и низко вдоль земли потянуло прохладой. Я бродила, наверное, несколько часов, потеряв счет времени. Кружила, дышала терпким воздухом. Задрав голову, подолгу разглядывала охряное кружево листьев на фоне синего неба. Прошла через березовую рощу, миновала ельник, а затем вышла к узенькой юркой речке. Кажется, мне в копилку удовольствий грозила добавиться еще и рыбалка. На обратном пути, уже почти на бегу я минут за пятнадцать набрала полную корзинку грибов и, еле удержавшись, чтобы не насовать еще и в карманы куртки, буквально за уши себя вытянула из леса. Тогда я и поняла, что день клонится к завершению.

Я сунулась поначалу перебирать грибы, потом поняла, что невероятно устала, – от переизбытка впечатлений, от длительной прогулки, – и монотонная работа меня доконает. На скорую руку почистив парочку крупных боровиков, я ошпарила перловку, быстро подготовила жарку и поставила вариться суп. Мне как раз должно было хватить на сегодня и завтра перед отъездом. Самое главное – и самое трудное – было продержаться до вечера и случайно где-нибудь не заснуть. Насколько я поняла, в тому моменту, как снова откроется портал, мне обязательно нужно было находиться в комнате, где я ночевала, но при этом бодрствовать, чтобы успеть выйти в тот короткий отрезок времени, пока дверной проем будет соединять два мира.

А у меня как назло слипались глаза. Я столько всего наслушалась и нагладелась, а еще находилась и надышалась! Ожидание вечера стало почти мучительным. Наваристый грибной суп меня ничуть не приободрил, поэтому я порыскала у Ильиничны в книжном шкафу, нашла какой-то пыльный томик Чехова, набросила шерстяной плед поверх куртки и выбралась на открытую веранду. Откуда-то хорошо тянуло ветерком, холодный воздух пробуждал и не позволял клевать носом. Так я досидела почти до самого запуска механизма, читая рассказы в свете неяркой лампочки на веранде. Когда до открытия портала оставалось минут десять, я погасила уличный свет и отправилась в комнату. Вещей моих здесь не было, они ждали меня во внешнем мире. Наоборот, я даже плед решила забрать с собой. В глубоком кармане куртки лежал красивый бабушкин блокнот: я подумала, что могу изучать его и дома. Схему Кузьминичны я заложила между его страницами – для верности, чтобы все было в одном месте.

Я расслабленно опустила на кровать и принялась ждать, как вдруг подскочила и бросилась вон из комнаты – я же забыла грибы! Не то чтобы это была какая-то серьезная потеря, но неизвестно, когда я разберусь в механизме и смогу вернуться, а грибочки к тому времени испортятся и наполнят дом неприятными запахами. А суп-то я зачем с запасом наготовила? Вот бестолочь, собиралась завтра его доесть. Хорошо, успела убрать его в холодильник.

В излишней суете я зацепилась ногой за порог комнаты, затем еще карманом куртки за дверную ручку, еще раз споткнулась, в общем, до грибов я добралась чуть ли не на четвереньках. Плед, в котором я собиралась перемещаться, чтобы было теплее спать в сыром доме, сполз с меня и растянулся по полу. Судорожно выдвигая и задвигая все подряд ящики деревянного кухонного шкафчика, я искала пакет, куда можно было пересыпать грибы, не нашла, махнула рукой и схватила корзинку. Слишком резко ее рванула, не удержала и следующие несколько секунд в ужасе наблюдала, как раскатываются в разные стороны по крашеному полу мои грибочки. Времени ползать и собирать их уже не оставалось, и, осадив этот порыв, я ринулась в комнату с порталом.

Еще немного, и я бы опоздала. А как намекнула Кузьминична, крайне нежелательно проходить через портал в тот момент, когда он открыт в обратную сторону. Чем это чревато, она

не поделилась, но я сколько ни крутила это в голове, мне казалось, что это не просто нежелательно, а и опасно. Я влетела в комнатушку за несколько секунд до того, как воздух в дверном проеме поплыл, задергался и слегка заискрился, а потом рябь рассеялась и я увидела совершенно темную пустоту за дверью. От страха у меня сдавило грудь и стало почти невозможно дышать. Первое открытие я проспала, а сейчас видела появление портала своими глазами! В вязкой тишине было слышно, как стучит редкими, но сильными ударами сердце. И где-то еще в глубине шевелящейся мглы что-то легонько тикало. Сжавшись в комок, я таращилась в эту тьму, и вдруг до меня дошло, что если я сейчас туда не перейду, то время истечет и я останусь здесь. И как бы ни казалось это заманчиво, мне нужно было наружу. На полусогнутых ногах я кое-как доковыляла до зияющей дыры дверного проема и робко ступила в темноту.

Шаг, другой, еще один крошечный шаг. Нервно сглотнув, я вдруг поняла, что предметы обрели очертания. Свет внутреннего мира озарял наружный, словно они находились в едином пространстве. Я даже понемногу стала различать коридор, ведущий к кладовке, где пряталось фантастическое устройство. Отступив еще на несколько шагов от портала, я с щемящей тоской и жалостью оглянулась на уютную комнатку, залитую теплым светом. И в тот же миг она дрогнула и на секунду погасла, потом снова появилась, как будто слегка искаженная, задергалась, заморгала и исчезла, а вместо нее я увидела свою полутемную спальню: ее из последних сил, почти не распространяя лучей, освещала тусклая крошечная лампочка под потолком, подвешенная на скрученном проводе.

Дом стоял угрюмый, сырой и негостеприимный. К счастью, у меня почти не оставалось сил даже на брезгливость. Поэтому я, не разуваясь, прямо в верхней одежде улеглась на холодную кровать, выпростала подоткнутое под матрас отсыревшее лоскутное покрывало, завернулась в него кульком и, не успев больше ни о чем подумать, провалилась в сон.

* * *

Утро «снаружи» встретило меня сыростью и туманом за окнами. Долго мне поспать не удалось: было слишком зябко. Под утро я замерзла, начала чихать и шмыгать носом. Нужно было срочно изучить способы открывать портал и перенастроить его на другое время. Эта мысль вертелась в моем полусонном мозгу, когда я, покашливая и потирая озябшие ладони, пыталась заставить себя вылезти из-под одеяла и встать. Но когда я наконец поднялась, то помрачнела. В кармане куртки не оказалось блокнота.

В то, что он волшебным образом не смог переместиться через портал, я не верила. Видимо, не было на самом деле никакого другого мира, а был очень яркий, долгий и красочный сон. Захватывающее путешествие по глубинам подсознания, миф, в реальность которого я почти поверила. А ведь как удобно получилось: и грибы-то у меня рассыпались, и плед по пути потерялся. Если бы не исчезнувший блокнот, я бы еще, наверное, сомневалась, надеялась, что все было наяву. Я ж еще умудрилась и бумажку с чертежом в него сунуть. Ну, все в полном соответствии с логикой сна: доказательства тают вместе с видением. Бывает, что во сне озаряет гениальная идея или ты пишешь талантливое стихотворение, а с утра не можешь вспомнить ни слова. Все остается там, на «киноплёнке для одноразового просмотра». И я думаю, происходит это потому, что на самом деле не было ни идеи, ни стихотворения.

А что еще могло служить подтверждением? Ухватившись за дверной косяк, я второй рукой приподняла ногу за щиколотку, чтобы проверить подошву. В причудливых выемках рисунка на протекторе осталась грязь или глина, с боков налипли смоляные иголки. Но в этом не было ничего удивительного: я же накануне бродила по двору, сидела на костре. Насобираала мусора и земли. Я заснула здесь и проснулась здесь, только и всего.

Внезапно в сердце вспыхнула надежда. Я подскочила и побежала в комнату, где оставила рюкзак. Он так и лежал на том месте. Я вытащила мобильный: идеальным подтверждением,

что все случилось взаправду, была бы сегодняшняя дата! Я провела «внутри» почти сутки, других доказательств было не нужно. Проспать двадцать четыре часа я бы точно не смогла.

Телефон успел разрядиться. Вот же черт. Я выудила из рюкзака зарядку и попыталась воткнуть ее в одну из массивных розеток, прикрученных к стене. От каждой из них вверх тянулись толстые двойные витые провода. Первая розетка тут же заискрила, и я отдернула руку. Вернувшись в спальню, я попробовала подключить телефон там, но история повторилась. Мне, конечно, очень хотелось узнать дату и время, да и вообще мобильный был бы очень кстати, но сжечь его из-за неисправной электропроводки в мои планы не входило.

Трудно было вспомнить, когда я еще испытывала столь сильное разочарование. Как же было чудесно думать о том, что невозможное возможно, что существует другой мир, светлый и добрый. О том, что у меня, оказывается, есть способности, выделяющие меня из серой массы. Да и вообще поверить в то, что волшебство, о котором ты так мечтаешь в детстве, хоть и догадываешься, что все это выдумки, действительно существует! А уж какое счастье было осознать, что покупка полуразваленной избы – не ошибка, не твой глупый просчет и не обман мошенников, а знак судьбы.

Выныривать из хороших интересных снов и возвращаться к обыденности всегда немножко грустно. Но сегодняшнее пробуждение ни с чем было не сравнить. У меня задрожали губы. Ледяной рукой я быстро вытерла набежавшие слезы. Пришло время убраться прочь из этого гнусного места. Из моего дома мечты! Да, желания сбываются иногда в очень странной форме. У судьбы, или у кого-то там наверху, извращенное чувство юмора.

Я запихнула мертвый мобильник и зарядку в рюкзак, проверила, не оставила ли чего на виду, и зашла в комнату ночевки, чтобы погасить лампочку, все так же из последних сил изливавшую жидкий свет. Взгляд упал на сбившееся кублом покрывало и грязь на постели, насыпанную с кроссовок. Не хотелось оставлять за собой этот бардак, даже если никогда больше сюда не вернусь. Поморщившись, я сбила ладонью землю, а затем, покрепче взявшись за края покрывала, с силой трянула, вложив в это действие всю свою злость. Полотно с громким хлопком ровно разлеглось на кровати, и в тот же миг что-то ударилось об пол. Я, даже страшась поверить в крошечную надежду, нагнулась и заглянула за кровать. Там лежал блокнот. Тот самый, бабушкин, с кожаной обложкой, принадлежавший Внутреннему миру. Из середины торчали чуть примятые листочки в клеточку.

Глава 10. Волшебная правда

С большой чашкой кофе в руках я вышла на широкий общий балкон своей давно уже не новой новостройки. Оттуда открывался великолепный вид на вечнозеленый хвойный лес и утопленные в желто-оранжевой листве треугольники крыш частного сектора. Сегодня было ясно, и над линией горизонта синело лазурное небо без единого облачка.

Я всегда радовалась, что выбрала квартиру на седьмом этаже. Этой высоты хватало как раз на то, чтобы видеть темные макушки сосен и елей, мелкими зигзагами штрихующие даль, отчего казалось, что лес за моим домом простирается далеко-далеко, насколько хватает глаз. За лесополосой мне не видно было ни Ивантеевку, ни чуть более дальнее Пушкино, которые отлично просматривались с семнадцатого, последнего этажа нашего дома. Это при взгляде оттуда становилось понятно, на каком крошечном клочке земли на самом деле ютится наш Челюскинский лес. С верхних балконов и окон пейзаж выглядел совсем иначе: раскиданные повсюду семейки пестрых жилых комплексов, никогда не спящая многополосная Ярославка, со стороны которой доносился постоянный, на одной ноте, гул, и небольшие подмосковные города вдалеке. Все как на ладони.

Я часто утешалась самообманом. То притворялась, что сижу у настоящего камина, то представляла себя на пикнике, почти поверив, что плед постелен на свежую луговую травку, а не на старый, вытоптанный ковер. Или же, приходя поглазеть на окрестности с общего балкона, воображала, что окна моего дома выходят на лес, которому нет ни конца, ни края. Но сейчас я даже не пыталась отогнать мысли о неприглядной правде, которую обычно старалась не замечать. Потому что у меня была своя, невероятная, волшебная, фантастическая и очень секретная правда.

Мне до сих пор было страшно думать о том, что я могла бы выронить этот злосчастный блокнот не в комнате, где ночевала, а, к примеру, пока неслась, спотыкаясь, по коридору в надежде перенести с собой грибы. Или пока пыталась их собрать. Если бы блокнот вместе с рисунком Кузьминичны остался во Внутреннем мире, мне осталось бы лишь вспоминать свой чудесный сказочный сон.

Я даже не уверена, что зарядив по возвращении домой телефон и узнав дату, я бы передумала и снова поверила в чудо. Мне кажется, я бы постаралась объяснить эту странность как можно логичнее, а может просто, засунув голову в песок, перестала бы думать об этом. И скорее всего, никогда бы больше не вернулась в свой домик.

Поставив чашку на парапет, я посильнее натянула на плечи шерстяной плед и с мечтательной улыбкой снова воззрилась на осеннее многоцветие. В мыслях я очень часто возвращалась во Внутренний мир, в свой уютный дом там. Снова туда попасть я могла в любой день, но все же мне хотелось подготовиться. Старушки наказали мне обязательно заняться выявлением дара, потому что без него якобы делать там нечего. Всю неделю я прокручивала в голове сотни событий, прилежно листала сохранившиеся детские дневники, пытаясь отыскать какую-то особенность, но пока с этим было глухо. Единственно, бабушки были уверены, что если бы я была, как выразилась Кузьминична, «пустая», то не то что не смогла бы открыть портал, меня бы никаким ветром не занесло даже на Шишкина, девятнадцать. То есть, по их предположению, если бы я не обладала магическим даром, судьба отвела бы меня от покупки этой развалюхи.

Так что вполне возможно, мои сравнения с цыганским мороком не так далеко ушли от правды. Что-то вело меня, мешало засомневаться, не позволяло отказаться или взять паузу. И расскажи мне кто на серьезных щах подобную историю пару недель назад, я бы в лицо рассмеялась, настолько это нелепо выглядело. Наверное, любые рассказы о сверхъестественном так и звучат. Но лишь до того момента, пока ты сам не пройдешь сквозь портал. Пока своими

глазами не увидишь удивительные вещи: как плавится воздух в месте перехода, как меняется обстановка в доме, как исчезают дома и улицы. И как пугающе щелкает странный старинный механизм, запуская обратный отсчет.

Отныне моя квартира перестала казаться мне тесной и неудобной. Я почти забыла о коллегах, точнее, я их простила, отпустила и вообще про них не думала. Эта поездка перевернула мою жизнь. Боже мой, Ульяна, да ты не лохушка и не дурочка наивная. Ты выигрышный лотерейный билет вытянула! Ведь мало того, что дача мечты у тебя все-таки есть, пусть для этого и нужно крутануть пару-тройку шестеренок. А еще ты вхожа в волшебный мир.

Правда, я пока совсем не поняла, каким образом это волшебство работает и чем Внутренний мир отличается от обычного, внешнего. Никто при мне на метле не летал, никто не швырялся фейской пылью, не превращал людей в жаб или наоборот... Кузьминична только пасьянс раскидывала, да еще потом в таро заглядывала, но только этим и в обычном мире можно заниматься. Даже молодой хитроглазый Иосиф, имя которого бабульки произносили с нотками уважения в голосе, называя колдуном, ничего не продемонстрировал. Я-то вообще подумала, что он неформал или кто похуже. И как, скажите, обладая нулевыми знаниями, дар в себе отыскивать?

* * *

Когда я в мрачных думах собиралась домой и случайно встряхнула блокнот из складок покрывала, то конечно, поездку отложила. Первым делом я побежала в аппаратную, где попыталась сопоставить кривые рисунки Кузьминичны с механизмом. Я все поражаюсь, как мне удалось столько манипуляций проделать и при этом попасть в нужную последовательность. Оказалось, что действий-то нужно совсем немного. Они запускали так называемый «аварийный завод», полуавтоматический, как раз на сутки. А все, что я там, высунув от натуги язык, вертела, крутила, нажимала, не имело значения и просто не сработало. Наверное, от таких активных дураков, как я, в механизме стояла специальная защита.

Это было огромным облегчением. Я ж боялась, что не смогу повторить все те телодвижения с помощью малопонятной схемы. Убедившись, что обратный путь во Внутренний мир мне удастся открыть в любой момент, я принялась изучать блокнот. И тут на мгновение впала в полнейший ступор. Почти все странички были исписаны скачущим почерком Ильиничны, знакомым мне по «телефонному справочнику», но... на совершенно неизвестном мне языке. Я никогда не видела ничего подобного. Понятное дело, из меня еще тот полиглот, но я все же имела примерное представление, как выглядят алфавиты самых распространенных языков. Я могла отличить китайские иероглифы от японских. И арабскую вязь ни с чем бы не спутала. Что уж говорить о латинице и греческой азбуке. Но здесь было нечто иное, ни на что не похожее. Как будто чужеродное. Язык Внутреннего мира? Но зачем бабушке было вести свои записи на этом языке? Тем более, что «телефонный справочник» она написала на русском. Может, то был не ее блокнот?

Вопросы роились и множились. Я решила даже по возвращении домой завести свою записную книжку, куда заносить все, что приходит в голову, даже если на первый взгляд это будет звучать глупо. Телефон для этих целей не подходил: не было никакой гарантии, что он вообще включится в мире, где люди общаются с помощью аналоговой связи, а «точное время не известно».

Отложив лингвистические вопросы на неделю до выяснения обстоятельств, я отправилась на поиски записок Ильиничны. Бабки сказали, что они точно должны быть где-то в доме, потому что старушка все-таки надеялась на появление истинной наследницы, поэтому оставила ей «ценные указания». Пока я осматривала дом, пытаюсь найти хоть что-то, напоминающее бумаги с записями, меня вдруг осенило, что семейная чета, впарившая мне этот старый дом, на самом-то деле не особо пыталась ввести меня в заблуждение. Ильинична и правда жила в

этом доме, просто, во Внутреннем мире. А родственники ни о чем не подозревали и искренне считали, что изба пригодна для жилья. Они мне не врал!

От бабулек я узнала, что прежняя хозяйка моего дома постоянно жила во Внутреннем мире. И лишь когда пришло время помирать, она оттуда выбралась. Нельзя там по какой-то причине мертвяком становиться. Ну, то есть у смерти-то отсрочку не попросишь, но если подобное случается, обязательно вынести тело надо во внешний мир. Ильинична жила в отдалении от всех и рисковать не стала. Вдруг ее не сразу бы хватились. Как стала плоха, перебралась помирать наружу. В больнице скончалась, оказывается. От этой информации мне даже немножко полегчало: видно, сильно на меня давило, что я поселилась в доме, где покойница недавно отошла.

Записок с инструкциями от Ильиничны я так и не обнаружила. Бабушки говорили, что она мастерица была мудрить на ровном месте, так что мне еще весь дом придется перевернуть в поисках ее наследия. А только оттуда я могла бы узнать, как перенастроить портал на нужное мне время открытия и длительность. Я еще удивилась, почему старушки не могут сами подсказать. По идее они должны были уметь обращаться с этой штуковиной, ведь у каждой из них дома тоже были порталы. Когда же я заикнулась насчет всем известного «метода научного тыка», бабушки в один голос на меня зашипели и сказали, чтобы я там лишнего ничего не трогала.

– Найдешь записи, тогда и будешь крутить! – довольно грубо оборвала Кузьминична мои робкие попытки предложить «покрутить самой». – А найти их надо обязательно. Если постоянно так на сутки оставлять, нехорошо будет.

Почему нехорошо, я так и не поняла. Злая бабка пробубнила что-то про постоянный поток в ожидании. Мол, вредно это. А для чего или для кого – не пояснила. И поток чего – тоже.

– Ты сначала дар свой определи, – добавила она недружелюбно. – А то мы тебя сейчас научим туда-сюда ходить, а ты, может, пустая совсем. А пустые для этого места ничем не лучше мертвяков. А то и хуже.

В надежде найти поддержку у двух других старушек я попеременно перевела на них взгляд, но обе они, поджав губы, кивали в такт словам Кузьминичны. Я уж не стала спорить.

В конце концов я довольно тщательно проверила все доступные места в доме, но так ничего и не обнаружила. В итоге только сильно продрогла, окоченевшими пальцами открывая-закрывая многочисленные полустгнившие дверки и ящички. Решив в следующий заезд явиться сюда как можно раньше, одеться теплее и буквально перерыть дом еще раз, я закружилась с поисками и убралась восвояси.

По приезде домой я еще раз попыталась вернуться к блокноту. Искала похожие языки в интернете, даже сфотографировала несколько испещренных незнакомыми буквами страниц, чтобы отыскать по фотографии. Но ни единой зацепки мне найти не удалось. Особенный дар тоже никак не хотел передо мной раскрываться. Бодрый настрой перед повторным визитом на дачу мечты заметно оскудел. Даже если я разыщу это «руководство пользователя порталом», то когда заявлюсь к бабулькам, придется сказать, что на дар и намек нет. Возьмут да прогонят меня, пустышку, да еще и дом спалят. Оставалась надежда на Зару, которая «жгет сахар» и которая могла увидеть что-то в янтаре, как сказала Кузьминична.

* * *

В ночь перед отъездом мне приснился Иоська. Мы сидели друг напротив друга за круглым столом в гадальном салоне. Я никогда не была в подобных местах и видела их только в кино. Может, поэтому небольшая сумрачная комната и выглядела по-киношному неправдоподобно. Здесь было чересчур много магической атрибутики. Стены были почти полностью увешаны амулетами, перьями, ловцами снов, рогами животных. На узких деревянных полочках, прибитых вдоль стен, лежали человеческие черепа, в толстых черных свечах со стекающим

по бокам плавленным воском, дрожали крошечные горящие фитили, отбрасывая на все вокруг жуткие трясущиеся тени.

Молодой колдун держал меня за руки: легонько, едва касаясь пальцами, из которых под кожу лилось тепло. Прищуренные карие глаза, не мигая, пронзительно смотрели будто в самую душу. Он что-то беззвучно шептал, и я ничего не могла разобрать, хотя знала, что это было очень важно. В его словах и таился мой секрет. Я пыталась хотя бы прочесть по красивым губам, но тщетно. Наконец он грустно улыбнулся и поднялся из-за стола, отпустив мои руки, а я продолжала тянуться к нему. Мне не хотелось, чтобы он меня отпускал.

Почти сразу я проснулась, еще ощущая нежное тепло его пальцев. Мне даже не хотелось ничего трогать руками, чтобы не потерять это чувство, но вскоре сон рассеялся, оставив крошечный укол в сердце, а еще – сладкое томление в груди. И это было так странно. Я видела его почти мельком, и первое впечатление было очень даже неприятное, а во сне я ощутила почти влечение. Я потерла сонные веки, поскорее стряхивая наваждение. Вот подобных странных влюбленностей мне еще не хватало ко всему прочему!

За окном едва начинал брезжить рассвет. Помня решение приехать пораньше, я заставила себя встать и отправилась на кухню, чтобы зарядиться изрядной дозой кофеина.

Глава 11. Молчание сахарного янтаря

Я неторопливо спустилась с пригорка. За спиной остался лес, отделяющий деревню от одинокого домика Ильиничны. Там в маленькой комнатке тихонько отсчитывал секунды в обратном порядке загадочный механизм, заведенный мною опять на сутки. Я так и не смогла ни отыскать записи, спрятанные бабушкой во внешнем мире, ни выявить у себя хоть какие-то намеки на магический дар. Можно было, наверное, вообще пропустить визит к Семеновне. Какой смысл идти с пустыми руками? Сейчас объявлю о своей несостоятельности, и решительно настроенные бабульки отправятся собственноручно двигать мой дом. Или, того хуже, жечь!

Из-за этих опасений я не сильно торопилась, брела медленным шагом, рассматривая домишки с такими удивительными адресами. Теперь-то я знала, почему в их нумерации и названиях улиц не было никакого порядка. И хоть не было связи с местом, откуда человек отправился в мир иной, как я предположила вначале, этот оборот речи теперь приобретал новый смысл. То были адреса домов с порталами, через которые действительно можно было перейти в другой мир. Но спасибо, что не загробный.

Кстати, совершенно не обязательно, что во внешнем мире этот адрес принадлежал деревенскому дому, как у меня. Оказывается, переходы были даже в обычных квартирах. Здесь мое воображение работать отказывалось: я не могла понять, как можно разместить в полу обычной городской квартиры огромный старинный механизм. Да любая проверка или жалоба – и хлопот не оберешься!..

В этот заезд выдались на редкость погожие деньки: как снаружи, так и во Внутреннем мире. Вчера, приехав пораньше, я так радовалась, что смогу при ярком свете, пробивавшемся даже через мутные, затянутые паутиной окна спокойно поискать записи. В итоге я угрохала на тщательные поиски почти весь день, но с нулевым результатом. «Аварийный» завод механизма остался на прежнем времени, мне нужно было только его запустить, пользуясь инструкцией Кузьминичны. К сожалению, ночь перед возвращением в город предстояло снова провести в холодном доме внешнего мира.

Совершив вчера поздно вечером переход, я не завалилась сразу спать, как в прошлый раз. Я побежала в комнату, где накануне рассыпала грибы, в полной уверенности, что они за неделю начали гнить и червиветь в хорошо протопленном доме. К моему удивлению, на полу не нашлось ни одного грибочка. Недоеденного супа тоже не было, кастрюля оказалась вымыта. В отсутствие хозяев за домом кто-то следил.

Я выбралась на крыльцо, умиротворенно поглазела на чистое звездное небо. А затем с теплом в душе и с благодарностью к невидимому помощнику отправилась в спальню и со спокойной совестью уснула, с тем, чтобы ранним утром уже быть на ногах. Не хотелось проспать ни одной лишней минутки в этом мире. В прошлый раз старушки сказали, что ждать меня будут в полдень на том же месте – в доме Семеновны. Поэтому я быстренько соорудила себе желтоглазую яичницу на сале, раздобытом в морозилке. С приятным удивлением я обнаружила там же пакет с замороженными грибами. Оказывается, кто-то собрал их с пола, почистил и даже убрал в морозильное отделение старенького холодильника.

Чтобы не терять времени даром, я отправилась на лесную прогулку. Стараясь не замечать очередную партию грибочков, прятавшихся в пестрой опавшей листве, я просто бродила и почти сразу наткнулась на заросли черники. Наевшись сразу с кустиков чуть подмороженных холодными ночами ягод, я решила вернуться сюда попозже с лукошком и пошла в деревню.

За спиной подпрыгивал легкий рюкзак с водой и бутербродами: в этот раз я подстраховалась и взяла с собой через портал вещи, которые могли бы мне пригодиться. Левый карман куртки оттягивал блокнот Ильиничны: я собиралась показать его бабушкам, вдруг они знали

этот загадочный язык? Поначалу я собиралась взять с собой и мобильный, чтобы хотя бы делать снимки, но он оказался бесполезен, почему-то отказавшись включаться во Внутреннем мире даже с полной зарядкой.

Солнышко нагрело и высушило влажную землю и опавшие листья, и, если бы не бушующие осенним огнем деревья, можно было бы подумать, что стоит конец августа. Войдя в деревню, я двинулась по узенькой улочке между домами. Внезапно впереди раздался грозный собачий рык, и тут же – залиvistый лай с подвыванием. Я непроизвольно замедлила шаг. Как знать, что тут за собаки, если мир магический? Еще не хватает, сам Цербер на меня выскочит из-за поворота, а я и маленьких собачек побаиваюсь, и даже не волшебных.

Вместо собаки я вдруг увидела белую кошку, лениво извивающуюся на пыльной дороге. Не боясь испачкать шкурку, она валялась на спине, перекачивалась с одного бока на другой, вытягивала сразу все четыре лапки, жеманно выгибала шейку и хитро шурилась. Где-то совсем рядом снова зарычала собака, и я наконец увидела торчащий в узкой щели под воротами, злобно наморщенный черный нос. Кошка, чуть ли не касаясь его наглой мордой, снова сделала ленивый кувырок, и до меня наконец дошло, что она тут изображала. Белая пушистая кокетка намеренно дразнила несчастную собаку, которой забор мешал до нее дотянуться, отчего ей оставалось лишь рычать от бессилия.

– Ах ты ж поганка, – ласково пробормотала я, с умилением глядя на наглое существо. Пес, видимо, услышав чужой голос и не понимая, на чьей я стороне, затих, лишь продолжал высовывать нос и принюхиваться. – Знаешь, что ему тебя не достать, да?

Я пошла дальше, периодически оглядываясь на позабавившую меня картину. Кошка продолжала свои выкрутасы, собачье рычание то и дело прерывалось безнадежным, обиженным скулежом. По всей видимости, животные были совершенно обычными, ни капельки не магическими, и вели себя, как обычные кошка с собакой.

Все еще улыбаясь, я свернула за угол: дорогу, как ни странно, я с первого раза запомнила. Издалека в мою сторону плавно двигалась женская фигура, и я аж шею вытянула, настолько неожиданной показалась мне эта встреча. То была полная чернокожая женщина, замотанная в длинные пестрые одежды наподобие индийского сари, и на голове она несла большой кувшин, придерживая его с одной стороны рукой. Пока я хлопала в изумлении глазами, колоритная красавица исчезла из поля зрения, наверное, скрылась за поворотом, а может быть, в одном из приусадебных участков.

Больше мне никто не встретился до самого дома Семеновны, и я поймала себя на желании снова увидеть Иоську. От этих мыслей вдруг забилося сердце, и меня бросило в жар. А ведь я видела его лишь мельком и после этого и думать забыла. Но когда он навестил меня во сне, тогда и заронил что-то в душе. Хотя он-то тут причем, сновидения-то мои, и вообще это переработанная мозгом информация, поданная иногда в довольно фантазмагорической форме. С другой стороны, если он колдун... С душевным смятением и полной неразберихой в голове я поднялась на крыльцо и без стука толкнула дверь.

У Семеновны я не застала двух других старушек. Вместо них за круглым столом напротив хозяйки сидела статная черноволосяя женщина в блестящей косынке, расшитой бисером, разодетая в узорчатую рубашку с широкими рукавами и разноцветные, многослойные юбки. Смуглую шею обвивали монисто, бусы, цепочки – сразу в несколько рядов, на длинных быстрых пальцах поблескивали перстни. Смеющиеся черешневые глаза горели огнем. У меня аж дух захватило, и я почему-то сразу подумала, что это та самая Зара, которая «жгёт сахар». Пока цыганка ничего не жгла, просто отхлебывала черный чай из блюдечка, а сахарница с еще целыми и невредимыми кусочками сладостей стояла посередине стола. Семеновна, как и в прошлый раз, вязала шаль, только уже другого цвета и совсем не пушистую.

– Здравствуйте, – проямлила я, застывая в дверях, а старушка заулыбалась и жестом пригласила меня к столу.

– Привет, привет, Улечка, вот заходи, знакомься, это Зара.
Цыганка дружелюбно улыбнулась, сверкнув золотым зубом.

– Садись с нами. Чаю хочешь?

Я покачала головой, нерешительно присаживаясь третьей за стол.

– А придется, – засмеялась Зара. – А то слишком сладко будет сахар-то грызть.

Кажется, на моем лице появилась озадаченная мина. Я еще подумала, что, может, не разобрала второпях, и у Ильиничны было написано не «жгёт», а «жрёт сахар»?

– Ну, только давай немного познакомимся, а потом пойдем.

– Куда? – оторопела я.

– На кухню. Значит, говоришь, дом купила?

Я поморгала, пытаясь въехать в резкую смену темы разговора. Видимо, Семеновна ввела Зару в курс дела насчет моего неожиданного появления во Внутреннем мире. Да, точно, в прошлый раз бабульки говорили о том, что Зара сможет что-то про меня понять. Я только хотела ответить, но цыганка, не дожидаясь, снова заговорила.

– Или, может, разобралась сама? С даром-то?

Я уныло покачала головой.

– Ну, мы так и думали. К этому заранее готовиться надо, а тут с бухты-баракты на тебя как свалилось все! И портал, и внутренка, и дар еще, будь он неладен, да?

– Может, записи хоть нашла? – встряла Семеновна, нетерпеливо ерзая на стуле, и я совсем скусилась.

– Честно, весь дом перерыла, – угрюмо пробормотала я. – Ума не приложу, где искать. Может, у нее тайники какие-то были, ничего не понимаю.

– Бог ты мой! – Семеновна ударила себя по коленкам. – Ну, конечно, тайники! А ты как думала? Что наша Ильинична такие секреты на видном месте бы раскидала? Или на полочку аккуратно положила? Ты что, по верхам только прошлась? По открытому искала? Ох, ну вот же бестолковка какая.

Старушка явно расстроилась. Я перевела глаза на Зару, но та, устремив взгляд в блюдце с чаем, улыбалась каким-то своим мыслям. Наконец она встрепелась.

– Ладно тебе, Семеновна. – Зара слегка коснулась красивой рукой плеча бабульки. – Напугаешь только девчушку. Ну, не перестроилась она еще. Совсем зеленая. Но точно не пустая, говорю тебе. Сейчас все увидим! Пойдем-ка со мной.

Цыганка поднялась из-за стола и повела меня за собой на кухню. Семеновна тоже встала и, побряхтывая, пошаркала за нами.

– Воды пусть принесет студеной, из колодца! – требовательным тоном воззвала она нам вслед.

– Ой, ну брось ты, – отмахнулась Зара. – Все мы прекрасно знаем, что водопровод у тебя есть, а там та же самая ледяная вода. Студеней не бывает!

В маленькой аккуратной кухоньке действительно была обычная мойка с краном, торчавшим прямо из деревянной стены, а не как у меня, подвесная умывальница. Зара, напевая себе под нос, наполнила на две трети водой ковшик и, поставив его на застеленный чистенькой клеенкой стол, неожиданно подмигнула мне. Семеновна почему-то криво ухмыльнулась.

– Дай-ка руку, яхонтовая, – с усмешкой проговорила Зара, и я протянула ей правую ладонь. Сердце вдруг замерло в предвкушении чего-то необычайно интересного. Неужели гадать станет?! Настоящая цыганка, по ладони!

А настоящая цыганка, крепко вцепившись в мой безымянный палец, быстро вытащила что-то из расшитого ворота рубашки и молниеносным движением пребольно уколола меня в самую подушечку. Резко и глубоко, прямо как в поликлинике во время сдачи крови. Ненавижу это ощущение, страшнее, чем любой другой укол!

– Эй, вы что? – возмутилась я, а Зара, не отпуская мою руку, быстро подтянула ее к чашке и стряхнула в воду каплю крови. – Да вы с ума сошли?

– Ох, очень зеленая, ну просто совсем недоросль, – проворчала со смехом цыганка, отпуская наконец мой несчастный палец. Алая капля окрасила на миг воду, а потом растворилась, и вода стала прозрачной.

– Перестаньте, черти, клясться на крови... – пропела себе под нос Зара, наклоняясь и вытаскивая из нижнего ящика плиты маленькую чугунную сковородку, и, повернувшись ко мне, вдруг расхохоталась. – Да сделай ты лицо уже попроще, Уля! Таращишься на меня, будто я тебе полруки откромсала. Давай, бери сахарный песок. Видишь, на полочке стоит?

Я пошарила глазами по открытым кухонным полкам и нашла жестяную коробку с красными ромбами и надписью «Сахар». Сняв ее, протянула Заре, но та отмахнулась.

– Сыпь в сковороду, – приказным тоном объявила она. – На глаз сыпь, но зазор оставь, чтобы мешать можно было.

Я наполнила сковородку сахаром, чтобы он полностью покрыл дно, и, увидев требовательный взгляд Зары, добавила еще.

– Теперь ставь на огонь и постоянно перемешивай ложкой. Не останавливайся! Ты почувствуешь, как он начнет плавиться.

Кажется, до меня наконец дошло, чего от меня хотела неугомонная цыганка. Когда-то в детстве бабушка подруги учила нас делать конфеты из жженого сахара. Под ее руководством мы плавил сахарный песок, переливали его в столовую ложку, смазанную маслом, потом вставляли сбоку спичку и ждали, когда застынет леденец. Кажется, подруга добавила еще то ли джема, то ли молока, отчего сахар до конца не расплавился, и конфета была шершавой и как будто немного подгоревшей. Мне не понравилось, и дома я этот эксперимент не повторяла.

Я возила ложкой туда-сюда по барханам сахарного песка, перемешивая и без того однородную смесь, как вдруг почувствовала, что ложка слегка начинает прилипать к дну.

– Мешай, мешай! – подстегнула меня Зара, и я принялась скрести ложкой усерднее, ощущая, как на самом дне начинает тянуться сахар, как меняет консистенцию, густеет. Россыпи белых кристалликов склеивались в комочки, а горячая вязкая жидкость поглощала их и растворяла в себе. Сахар плавился и темнел у меня на глазах, и по маленькой кухне поплыл сладкий с горчинкой аромат карамели. Коричневая густая жидкость, в которую почти целиком превратилась горстка сахара, цеплялась за ложку и медленно бурлила. Скоро она превратилась в темно-янтарную патоку, совершенно прозрачную, без единого кристалла внутри. Чувствуя, что процесс почти завершен, я вопросительно оглянулась на Зару, и та кивнула на ковшик с холодной водой.

– Выливай разом! Осторожно, не ошпарься! – крикнула она, а я, перевернув сковородку над ковшом, выплеснула в него жидкую карамель и соскребла туда же остатки.

Раскаленный плавленный сахар мгновенно зашипел в студеной воде, плюясь горячими каплями. От неожиданности я чуть не выронила маленькую, но тяжелую сковороду, перехватила ее неудобно и обожглась. Вода вспенилась, и сахарный комок всплыл на ее поверхность. Над ковшом взвился столб белого пара, и тут же все стихло. Я едва успела отставить сковороду в раковину и охладить обожженную ладонь водой из крана. Зара тем временем вытаскивала из ковшика леденец и переложила на блюдце. Расплавленная сахарная патока застыла в воде в виде абстрактной и очень красивой фигуры, похожей на янтарный самородок. Словно несколько темно-золотых змей вздыбились и переплелись в причудливом танце, поблескивая лоснящимися телами в лучах света. Между ними тянулись тоненькие, почти прозрачные стеклянные нити, по бокам застыли сверкающие капли золота.

– А вот теперь пойдем разбираться, – многозначительно произнесла Зара и, бережно неся перед собой блюдце с янтарным слитком, отправилась в комнату, где ждала нас, разливая по

широким приземистым чашкам чай, Семеновна. В своих кулинарных экспериментах, я даже и не заметила, когда она нас покинула.

* * *

Заря все вертела перед глазами янтарный слиток, рассматривала со всех сторон, поднося к настольной лампе, а затем к окну – просвечивала солнечными лучами.

– Не понимаю, – прошептала она, прищурившись. – Ну вот как будто лампочка внутри... А может, это пузырь, или шарик. Нет, не понимаю. Никакой четкости в образах.

Даже Семеновна принялась разглядывать кусок жженого сахара, нацепив на нос очки с толстыми стеклами и подслеповато моргая. В итоге она лишь пожала плечами, передавая блюдце мне. Я тоже для приличия покрутила его перед собой, полюбовавшись естественными изгибами формы и кружевом пузырей, застывших внутри, как воздух в янтаре. Леденец тем временем таял, медленно оседая на блюдце, вокруг расплзалась густая сладкая лужица. Я отставила лакомство на стол.

– Нет, ну надо же! – наконец удрученно всплеснула руками Зара. – Ничего не вижу. Точнее, видеть-то вижу. Понять не могу.

– Так может, и нет ничего? – скривилась Семеновна, сухо поджимая губы. Она все холоднее поглядывала теперь в мою сторону.

– Да есть, есть, сомнений быть не может. Но не понимаю. Эх, ладно. Как бы то ни было, а угоститься придется, – сказала мне цыганка, пододвигая блюдце.

– А можно это не есть? – робко спросила я, но Зара тут же нахмурилась.

– С какой это стати? – недовольно проговорила она. – Это же твое. Нельзя незавершенное оставлять. Да и разгадка может во сне прийти, раз сейчас не появилась. Главное, не забудь об этом, не упусти, не проворонь подсказку!

– И запомни, – вклинилась суровым голосом Семеновна. – Всегда надо завершать обряд или любой другой процесс. В нашем ремесле не может быть недоделанных дел.

Я подтянула к себе блюдце, отломил кусочек ароматного, липкого янтара и положила в рот. Жженный сахар, с его легкой горчинкой, показался мне самым вкусным из всех лакомств, что я пробовала, и совсем не похожим на конфету подружки. Семеновна тем временем поднялась и отошла к окну, глядя в него невидящим взглядом.

– Ох, не верю уже я, что толк хоть какой-то будет. С Иоськой еще этим, дурнем дурным, поругались, к нему теперь на блатной козе-то не подъедешь...

– Ну ради такого дела, Семеновна, можно и помириться, – недовольно проворчала Зара. – Он себе цену знает, нечего его понукать было.

– Да вот еще. Кузьминична начала, пусть и мирится сама. А я рядышком постою, – огрызнулась Семеновна.

Кажется, я сильно ее разочаровала. Дар в себе не обнаружила, записок Ильиничны не нашла, и даже Зара не смогла про меня ничего понять. И вроде я ни в чем не была виновата, а осадочек, как говорится, остался. Я решила, что лучше мне убраться побыстрее домой. Цыганка тоже больше не улыбалась, глаза как будто потускнели и из черешневых стали мрачно-серыми. Новой для меня, полезной информацией тоже никто сегодня делиться не собирался.

Я торопливо и уже без особого аппетита догрызла янтарный леденец, запивая несладким чаем. Жженный сахар прилипал к зубам, во рту стоял слишком приторный вкус. Отодвинув блюдце и собираясь прощаться, я вдруг вспомнила про блокнот и вытащила его из кармана куртки.

– У меня тут вот еще... – Я замялась, листая странички. Зара с Семеновной с любопытством уставились на красивую записную книжку. – У Ильиничны нашла, здесь, во Внутреннем мире. А прочесть не могу.

– Что значит – прочесть не можешь? – удивилась бабушка и даже как будто немного обиделась за старую подругу. – Не такой уж у нее и корявый почерк.

– Да язык же незнакомый! – в свою очередь удивилась я. Нет, ну а правда, откуда мне знать неведомые языки? Я английский-то выучить не смогла. – В первый раз такое ви...

Я осеклась и замолкла, быстро-быстро перелистывая записи.

– Ну-ну? – с легкой ехидцей произнесла Семеновна. – Продолжай.

Я долистала блокнот до конца, не веря глазам: все, что было написано, теперь читалось просто и ясно.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я, заглядывая на страницу с последней записью.

– Я же не могла разобрать...

В конце размашистым и еще более скачущим почерком Ильиничны была сделана запись с несколькими восклицательными знаками на конце. Их черточки торчали в разные стороны.

«Если она не появится, значит, не нашла ЦУ!!! Разыщите ее снаружи и скажите поискать на галдарейке!!!» – гласили последние строки, написанные явно второпях.

– Что такое «галдарейка»? – растерянно спросила я, переводя взгляд с Семеновны на Зару. Цыганка в недоумении пожала плечами, а старушка криво усмехнулась.

– Вообще-то, часть дома снаружи, вроде как галерея ... Но Ильинична так почему-то закуток называла, подле кухни который, в холодной части дома. А где ты это слово откопала?

Я молча протянула блокнот.

– Все ясно. – Семеновна, пробежав глазами странное послание, снова понимающе кивнула и вернула мне книжку. – Значит, там и спрятала. Оттуда и начинай поиски. И ищи, ищи свой дар. Еще немного – и больше ты сюда не пройдешь. А уж нам сколько из-за этого мороки будет!

– Как же его искать? – Я чуть не расплакалась. – Если даже Зара не разглядела.

– Уж постарайся как-нибудь. Если сама не пустая ты, да дар впустую растратишь... Ох, не хорошо будет. Равновесие нарушится. Всегда недобор ощущается, даже когда кто-то один выпадает. А уж тебе такое место досталось... Ищи, Уля, ищи.

Глава 12. Ищи то – не знаю что

Вернувшись ни с чем в дом Ильиничны, я решила сразу распланировать остаток дня, пока буду ожидать перехода. Пока светло, можно было прогуляться в лес за черникой, а еще изучить блокнот, в котором неожиданно стали понятными слова. Хватились, а блокнота-то и нет.

«Потеряла?!» – взвилась ужасающая мысль, но я быстро прокрутила в голове картинки, как держала его в руках, и успокоилась. Не зря меня Семеновна бестолочью величает. Взяла да оставила у нее блокнот. Носилась с ним, как курица с яйцом, а потом решила в рюкзак запихнуть вместо кармана. Положила рядом на кровати, пока в куртку упаковывалась, да так там и оставила. Ну, не возвращаться же теперь, мне там явно не будут рады. Зато я теперь знала, откуда мне начинать поиски.

А так-то я много чего забыла. Не спросила у Семеновны и Зары про чернокожую женщину, которую видела в деревне, не поинтересовалась, кто прибрался в доме. А еще, на радостях, что смогла прочесть слова в блокноте, не удосужилась уточнить, а почему же я раньше-то их не понимала. Хотя здесь, кажется, и самой можно догадаться. Записи стали понятны во Внутреннем мире. С этим все было связано.

В этот раз я основательно подготовилась к холодной ночевке. Заранее разложила на теплой печке чистое постельное белье, подушку и плед, запаслась двумя пластиковыми бутылками, в которые незадолго до перехода собиралась налить горячую воду, чтобы получились грелки. У Ильиничны вообще в доме было полно таких емкостей: и больших, и средних, и она по максимуму их использовала. Например, в бутылках из-под молока с широким горлышком хранились всевозможные сыпучие продукты: и рис, и гречка, и макароны-паутинка. Между прочим, это оказалось очень удобно. Я решила перенять «бабко-лайфхак» и устроить подобную систему хранения у себя дома. А когда я обнаружила на одной из кухонных полок вместительный термос, я буквально запрыгала от радости. Можно было приготовить на завтра горячий напиток – чай или кофе.

Пока на печи нагревались постельные принадлежности, сама я отсиживалась у костра на заднем дворе. Тут-то уж в сарае дров сухих было в достатке, не то что в моем «настоящем» доме. Внезапно вспомнилась дача бывшего, точнее, наши вечерние посиделки у огня. Мой друг выложил на месте кострища что-то вроде мини-арены из кирпичей. Мы прозвали это место «Колизей». К нам часто приходили товарищи с соседних дач, и Колизей по умолчанию стал точкой сбора: всем очень понравилось название. Теперь и у меня нашлось место для посиделок. Эх, жаль только, сидеть со мной рядом было некому. Перед глазами вдруг встало лицо Иоськи, и я с досадой поморщилась. Эти частые всплески симпатии к незнакомому смазливому юноше начинали раздражать. Вообще, мне это даже было не свойственно. Я на работе и то ни на ком не заикливалась, хотя мужчин в коллективе было много. А тут из памяти не выходило едва знакомое лицо.

Когда приблизился час перехода, я раскидала угли, чтобы костер быстрее потух, и поспешила в дом. Навьючившись, словно в долгий путь, я зашла в спальню и, даже не присаживаясь, принялась ждать. В голове вертелась фраза «Мальбрук в поход собрался». Еще бы: я тащила с собой две импровизированные грелки, термос, тюк с почти горячим бельем, корзинку с черникой и еще на всякий случай фонарь, обнаруженный в неиссякаемых закромах Ильиничны.

Когда настало время, я даже в черный дверной проем шагнула без прежнего трепета и страха. Как-то больше по-деловому, по-хозяйски вошла в сырую темную избу. Дождавшись, когда портал закроется, быстренько застелила кровать почти горячим сухим бельем, нырнула под еще хранящий тепло печи тяжелый плед и, обложившись с боков самодельными грелками, быстро и крепко заснула.

* * *

Утром я открыла глаза довольно рано: разбудила зябкая сырость, наполнявшая комнату. Тепла вещей из Внутреннего мира все же хватило, чтобы я успела выспаться. Под тяжелым пледом до сих пор было вполне уютно. Но на сегодня у меня намечались грандиозные планы: мне предстояло обшарить каморку со странным прозвищем «галдарейка», поэтому я почти сразу встала. Похвалив себя, а заодно и Ильиничну, за идею с термосом, я выпила большую чашку горячего кофе с жирными сливками и бодро направилась в сторону кухни.

Большой фонарь, вынесенный изнутри, оказался очень кстати. Лампочка на галдарейке не зажглась, а жидкий свет, проникающий в длинную сумрачную кухню через подслеповатые окошки, рассеивался, не доходя до порога каморки. Высветив фонарем на стене большой яркий круг и медленно обведя им помещение, я тяжело вздохнула. Теперь мне стало ясно, почему спрятать что-то важное бабушка решила именно здесь. В этой тесной комнатке, больше напоминавшей кладовую, не то что искать что-то, а даже находиться было неприятно. Гирлянды сбившейся во влажные клочья пыли облепляли бревенчатые стены. В левом углу громоздилась какая-то полусгнившая деревянная рухлядь, справа были накинаны грязные клеенки и скомканные, в маслянистых пятнах тряпки. Посередине на полу поблескивала лужица, и я, посветив туда, увидела, что вместо крашеного настила, как в других комнатах, здесь был хорошо утоптаный земляной пол. У самого порога лежал вдавленный в поверхность старый придверный коврик. Его так сразу и не заметить было: он стал настолько грязный, что почти сливался с полом. Воняло гнилью, плесневелой землей и уже такой привычной отсыревшей старой древесиной.

Я отступила на несколько шагов назад, бессильно опустив руки. Яркий круг света дернулся и прыгнул мне под ноги. Я не знала, что именно мне нужно искать. А это значило, что необходимо было методично перерыть всю галдарейку в поисках особенной вещи или, скорее, записки. Только если где-то здесь хранились какие-то бумаги, они давно от времени и влажности расплозлись на молекулы. Какой же был разительный контраст между двумя домами одного человека. Словно здесь, во внешнем мире жила сумасшедшая неряшливая старуха, а в доме Внутреннего мира – аккуратная, старательная бабушка, у которой все вещи были на своих местах, да еще и сыпучие продукты удобно рассортированы по бутылочкам. Впрочем, не стоило забывать, что Ильинична здесь и не жила. Она-то умела выставлять открытие портала на нужное время. А вот мне как раз этому предстояло научиться, и разгадка крылась прямо у меня под ногами, только я никак не могла заставить себя заняться ее поисками. Потому что ни к чему не хотела прикасаться.

Вдруг я почувствовала, словно только что сделала яркое открытие, но успела подумать о нем лишь на секунду, и озарение тут же потухло. О чем я только что думала? Мысленно прокрутив туда-сюда цепь своих недавних горьких рассуждений, я добралась до слова «разгадка». Почему-то это показалось мне важным, но только не давало ни единой подсказки. Да, нужно разгадать загадку, нужно что-то найти.

Я подняла фонарь и снова поводила им по затхлым стенам и полу. Взгляд мой упал на коврик. «Разгадка кроется у меня под ногами», – вот о чем я подумала! Но это было слишком просто. А с другой стороны, я же не в игровой квест попала, где задача организаторов – как можно сильнее запутать игроков и растянуть поиски. Смысл бабушкиного тайника был в том, чтобы нашлось как можно проще, но лишь для посвященных.

С этой мыслью я присела на корточки и как можно осторожнее, двумя пальцами приподняла коврик за край. Круг света от фонаря выхватил под ним белый блестящий прямоугольник размером с почтовый конверт. Я брезгливо вытащила его, так же ухватившись за самый кончик, но сомнений не было: именно это я искала. Кажется, необходимость торчать на галдарейке, перебирая тряпки и перекладывая гнилушки, отпала.

Внезапно мне стало жарко: горячая кровь бурлила, согреваемая неведомым ранее азартом, словно я и правда ввязалась в квест, только происходящий на самом деле. Сколько уже приключений выпало на мою долю, разбавив наконец скучную и тусклую жизнь! Ладно, к мысли про портал я уже даже как-то привыкла, поверила во Внутренний мир, насладились его дарами. А теперь в старой деревенской заброшке мне выпало искать послания от мертвеца!

Ох, зря я подумала об этом в подобном контексте. На слове «мертвеца» весь внутренний жар стек по позвоночнику куда-то вниз и ушел в землю, а меня пробрала дрожь. Вот зачем я об этом вспомнила? Всего лишь записки старушки. Причем, умершей даже не в этом доме. Так думать было однозначно приятней.

Я пронесла перед собой на вытянутой руке свою находку, чтобы ненароком не измазаться в налипшей на нее грязи. В печной комнате я, обтерев влажными салфетками свое сокровище из тайника, выложила его на стол. Это был сложенный вчетверо разворот тетрадки в клеточку, герметично упакованный в маленький файл с пластмассовой застежкой, а затем еще в пару целлофановых пакетов, чтобы наверняка ничего не намокло. И действительно, когда я вытащила листочки, они оказались сухими и чистыми. «И все же странная была эта Ильинична», – подумалось мне, и я с любопытством развернула «ценные указания».

* * *

Записки пестрели ошибками в элементарных словах, и мне даже почудилось, что это сделано нарочно. Будто их специально старались исковеркать, только вот непонятно, зачем. При этом построение фраз не было слишком простым, поэтому ошибки сильно резали глаз. То ли Ильинична была почитателем «олбанского», то ли зашифровала что-то. Пытаясь абстрагироваться от испорченного текста, я стала медленно водить глазами по строчкам, пытаюсь разобрать старомодный почерк.

«Дорогая Любушка. Раз ты читаешь это послание, значит, я все правильно сделала, понадеявшись на твою догадливость, и письмо попало по адресу. Прости, что тебе приходится снова отправляться на поиски, но чем сложнее будет путь, тем надежнее. И больше шансов, что важная информация не попадет не в те руки.

То, что ты будешь искать на следующем этапе, находится снаружи. Теперь тебе нужно протоптать тридцать семь войлочных лилипутов от северо-восточного острия вдоль биссектрисы. Там разворачиваться, пока взгляд твой прямой не вперится в рогатину, и протоптать еще двадцать четыре лилипута. А вот уже оттуда ортогонально отступить ровно десять полотен и там рыть, если есть возможность. Не забудь лопату, но будь осторожна».

После этого бредового напутствия был небольшой отступ, а ниже приписка:

«Забыла сказать тебе в письме, чтобы ты позаботилась о фотокарточке. На ней – твои прабабушка и прадедушка, совсем еще молодые. Сохрани ее, пожалуйста, а лучше заberi с собой. Куда захочешь – либо домой, либо во Внутрь. Я-то все снимки уже перенесла, но этот специально на стене оставила, в надежде, что ты его заберешь и найдешь письмо. Твоя бабушка Новелла».

Я в растерянности уселась на стул. Протоптать лилипутов. Да не простых, а войлочных. Кажется, на этом мои поиски можно было заканчивать. «Вы не прошли квест, дверь не открылась, вас сожрали чудовища».

* * *

Отгнав внезапно накотившее желание поплакать, я вышла на крыльцо и осмотрелась. От вчерашнего бабьего лета, царившего в обоих мирах, не осталось и следа. В Подмоскovie вернулась недавняя хмарь. Небо снова укутали серые тучи, ветер усилился. Похоже, собирался дождь. Конечно, очень вовремя. Мне сейчас на улице лилипутов предстояло топтать. Совсем не хотелось заниматься этим под холодным дождем. Думаю, что лилипутов это бы тоже не

обрадовало. Если я все-таки собиралась хоть что-то поискать, следуя безумной инструкции, то стоило сделать это сейчас. Мне до чертиков не хотелось ничего разыскивать на огороде или во дворе и уж тем более орудовать лопатой. Но если в этом крылся хоть малейший шанс на мгновенное возвращение во Внутрь, как называла это Ильинична, я должна была попробовать.

Еще раз исподлобья взглянув на угрюмое небо, я нарочито глубоко вздохнула и вернулась в дом. Одно радовало: сейчас на соседних участках точно не было ни души, поэтому никто не смог бы наблюдать странную картину, как я лилипутов вытаптываю. Что же это могло все-таки значить? И где мне взять лопату? Если Ильинична о ней писала, значит, где-то она была.

В доме лопату я не видела, а я его осматривала очень тщательно. Я опять вышла во двор, обогнула дом по периметру, а затем проверила заросший задний двор. Ржавая лопата валялась возле покосившейся будки уличного туалета. Конечно, с сырым насквозь, скользким черенком. Словно нарочно, чтобы добавить мне трудностей. Ну, а что? Не можешь дар в себе открыть, так помучайся хотя бы здесь. Я подняла лопату за противную на ощупь деревяшку и отволокла поближе к дому. Теперь нужно было попытаться хотя бы немного понять направление, о котором сообщала Ильинична.

В комнате уже было довольно темно из-за непогоды. Я приладила фонарь, чтобы лучше видеть записку, и принялась заново перечитывать «ценные указания» от бабушки Новеллы. Лилипуты. Это было иносказание, или намек, или какая-то очередная путаная подсказка? Да не простые лилипуты, а еще и войлочные! Перед глазами неизменно вставали фигурки крошечных человечков, сваленных из войлока. Может, нужно было расстояние измерить в этих игрушках? Выложить их на земле и идти по ним? Но я не находила ничего похожего в доме странной старушки, и в бардаке на галдарейке вряд ли они хранились. Это же почти шестьдесят лилипутов! Да и стала бы она прятать этих игрушечных человечков там же, где и пояснительную записку, раз она такая любительница шпионских игр?

Войлочные лилипуты. Хм.

Становилось зябко. Я принялась расхаживать по дому, чтобы согреться, а еще мне на ходу лучше рассуждалось. Я бродила туда и сюда, выходила в предбанник, дошла даже до галдарейки и на обратном пути споткнулась об обувь, неаккуратно стоявшую в коридорчике, ведущем к выходу. Я узнала те самые уродливые черные ботинки со стоптанными задниками, в которых когда-то тут уже разгуливала. И, между прочим, они были войлочные. А что, если?..

И тут меня как шарахнуло по голове умной мыслью! Ну, конечно же, лилипуты. Это же шаги! В детстве мы играли в какую-то игру, где надо было делать разные по размеру шаги, и одни из них назывались «лилипутики». Для этого нужно было пятку плотно приставить к носку, чтобы между ногами не оставалось зазора, и так идти. Водящий давал задания остальным игрокам: сколько раз прыгнуть вперед, сколько лилипутиков сделать, еще там были плевки и гигантские шаги. А именно войлочные лилипуты потому, что для того, чтобы попасть в точное расстояние, идти нужно в этих черных ботинках! Ведь это же сама Новелла Ильинична отмеряла, в своей обуви.

С какой-то бурной детской радостью я поскорее скинула с ног, даже не развязав, кроссовки и почти запрыгнула в войлочные ботинки. Одна часть головоломки была распутана! Да что там одна, даже две, я же лопату разыскала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.